

18+

Алексей Андреев

*Метыре
мушкетера
и все-все-все*

Книга первая. Туда.

Алексей Александрович

**Четыре мушкетера и все-
все-все. Книга первая. Туда**

«Издательские решения»

Александрович А.

Четыре мушкетера и все-все-все. Книга первая. Туда /
А. Александрович — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-653073-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Перед Вами, уважаемый читатель, вольная трактовка
известного романа, из которого взяты известные персонажи и поставлены
в несколько непривычные для них, где-то даже экстремальные условия,
нарушающие устоявшийся повседневный уклад их размеренной жизни.

ISBN 978-5-00-653073-7

© Александрович А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Приключения начинаются	7
Глава 2. Кто ищет, тот всегда найдет	9
Глава 3. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих	11
Глава 4. Хлеб да соль вам гости дорогие	12
Глава 5. Дружеская беседа	14
Глава 6. Волшебный погребок	15
Глава 7. Вечер в хату	17
Глава 8. Пышное застолье	19
Глава 9. Как отвратительно в России по утрам	23
Глава 10. Ирония судьбы, или С легким паром!	27
Глава 11. Если друг оказался вдруг...	31
Глава 12. Куда глаза глядят	37
Глава 13. Очевидное – невероятное	40
Глава 14. Неприятная неожиданность	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Четыре мушкетера и все-все-все Книга первая. Туда

Алексей Александрович

© Алексей Александрович, 2025

ISBN 978-5-0065-3073-7 (т. 1)

ISBN 978-5-0065-3074-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

На дворе стоял 1628 год. Месяц июль. Войсками короля Франции – Людовика XIII, прозванного Справедливым, полным ходом шла, а точнее подходила к своей логической развязке, осада самой укрепленной крепости гугенотов – Ла – Рошели, что на острове Ре.

Каким непостижимым и чудесным образом очутились в упомянутой мной крепости четыре славных мушкетера, история до своих потомков не донесла, но разговор меж тем, среди них состоялся примерно такой:

– Война эта рано или поздно окончится и я вижу наперед все, что ожидает каждого из нас: Арамис покинет этот суетный мир и станет аббатом.

– О, да, сударь. Мир – это склеп.

– Портос вернется домой, женится, жена будет давать ему деньги по воскресеньям и родит ему, между прочим, четырнадцать детей!

– Таких маленьких, кругленьких, обаятельных Портосиков.

– Д'Артаньян станет маршалом, конечно, и уйдет на пенсию, до этого совершив немало подвигов.

– Почему бы нет? Ну а Вы, дорогой Атос?

– А я... а я поселюсь в каком –нибудь маленьком домике в Руссильоне.

– Так что, значит, больше мы никогда не встретимся вместе?

– Встретимся, друзья мои, обязательно встретимся!

– Когда же?

– Двадцать лет спустя.

– А может быть, десять?

– Или через три – четыре столетия!

На этих словах, милая беседа молодых людей была прервана оглушительным взрывом, случившимся, надо отдать должное в самой непосредственной близости от них. Видно какой – то нетерпеливый гугенот, кому и отдаем, указанное строкой выше должное, бахнул из пушки или какого – другого крупнокалиберного орудия, стоящего на вооружении протестантов, ни разу не подумав о последствиях. А последствия эти, не заставили себя долго ждать. И в первую очередь для четверки неразлучных друзей – собутыльников, коими как Вы уже догадались были Атос, Портос, Арамис и конечно Д'Артаньян, чью пламенную речь самым беспардонным образом нарушил случившийся катаклизм. Беззаботно тусящую и весело общающуюся еще минуту назад компанию мушкетеров, со всем находящимся меж них провиантом, разбросало в разные стороны.

С этого взрыва и начинается сия правдивая история, в которой вымысла, уверяю вас – чуть да маленько.

В общем, хвала снайперу – гугеноту. Без его точного попадания, не было бы данного веселого повествования. Итак преступаем.

Глава 1. Приключения начинаются

– La chance finale – пробормотал, очнувшийся первым Портос.

– Ну в смысле – финальный шанс, – повторил он, непонятно к кому обращаясь. Здороваясь, пошатываясь встал на ноги. Ощупал себя всего, снизу доверху, затем в обратном направлении – сверху донизу и убедившись, что не ранен и не убит, смачно потянулся, похрустывая суставами. В процессе похлопывания по разным частям своего обширного тела, в кармане камзола обнаружился, украденный с праздничного стола, здоровенный кусок курицы. Градус настроения серьезно скакнул вверх. Употребив находку, Портос пришел в такое благодушное состояние, что начал мыслить вслух, а это являлось показателем наивысшей степени умиротворения:

– Ну что же дружище – ты жив, а это само по себе уже неплохо, – и продолжал:

– А вот подкрепиться тебе не помешало бы.

К чести Портоса нужно отметить, что в процессе знатных, продолжительных гулянок и застолий, которые на постоянной основе устраивались скучающими от безделья мушкетерами, уже изрядно поднабравшись в огромных количествах вина, пива и непонятного происхождения сидра, мог он часами разговаривать с лошадьми, собаками, деревьями и другими представителями флоры и фауны. Беседы эти, как правило в итоге сводились к вопросу:

– Ты меня уважаешь?

После чего, не получив от собеседника внятного, да и вообще какого – либо ответа, находящийся в алкогольной нирване гигант, наносил тестируемому оппоненту могучий, невероятной силы удар, а именно свою коронку – правый боковой.

О том, что удары достигали своих целей, свидетельствовали постоянные, не успевающие заживать на мушкетере следы от лошадиных копыт, укусов собак и просто сломанные, от соприкосновения с более плотными древесными субстанциями, томящиеся в гипсе мощные кулаки мушкетера. Подражаться он любил всегда. Так и говорил:

– Я дерусь, потому что дерусь.

Его более молодой друг, а речь сейчас пойдет о Д'Артаньяне, кротким нравом тоже не отличался и сойтись в рукопашной был далеко не дурак. А дураком он был, потому – что лез в драку, всегда и везде, с поводом и без оного. Отправляющий сына на заработки в Париж, дражайший родитель, находящийся надо отметить в самом, что ни на есть распрекрасном расположении духа, с того факта, что спихивает наконец – то со своих плеч совершеннолетнего тунеядца и бездельника, был пьян уже с утра и напевал:

– Бургундия, Нормандия, Шампань или Прованс

– Куда бы ни увлек Вас верный конь,

– При Вас мой меч фамильный и песенка при вас.

И хлопая коня по задку, что бы уже нес к подвигам ратным, надежду Гаскони, забирающего с собой фамильную реликвию и служащую надежной защитой от всех зол песню, вручил тому рекомендательное письмо со словами:

– Сын мой, вот я тут «маляву» нашмалял, не проунитажьте ее. Найдете в Париже моего армейского дружка – де Тревиля, передайте ему привет на словах от меня и эту просительную бумаженцию. В знак нашей старинной с ним дружбы, он Вас по благу возьмет к себе в контору на работу.

И уже совсем на прощанье, батя напутствовал наследника своего, проникновенной мудростью:

– Деритесь сын мой, там, где нельзя. И уж тем более деритесь там, где можно.

Д'Артаньян, будучи примерным, а самое главное послушным отпрыском, слова папеньки воспринял буквально как руководство к активным боевым действиям, на территории, предполагаемого противника, поэтому, объявившись в столице Франции, принялся налево

и направо скрещивать свои шпагу, нож, а иной раз, когда не находилось под рукой холодного оружия и шампуры и «розочки» от разбитых им же бутылок, на постоянной основе но с переменным успехом. Отчего лицо его, и без того не отягощенное признаками интеллекта, зачастую носило следы побоев, а голова гудела как с частого и мучительного похмелья, так и от соприкосновения с тяжелыми, с завидной регулярностью, обрушиваемыми на нее, чужеродными предметами, различной формы, находящимися в руках враждующих элементов. В такие минуты, юноша вспоминал свою матушку, которая благославляя сыночка на опасные приключения, одарила его рецептом некоего бальзама, полученного когда – то от цыганки:

– Этот бальзам обладает чудодейственной силой и излечивает любые раны, кроме сердечных.

– Рецепт – это хорошо, – размышлял, отмудоханный до полусмерти в очередной драке Д'Артаньян, но это всего лишь несколько каракулей на мятой бумажке, которую, как не прикладывая к ране, не поможет. А вдруг поможет? Ну – ка приложим. Не – а, не работает. Печалька. А к рецепту еще и ингредиенты нужны, их тут вон пятьдесят, и сноровка, и умение изготовить вещество. И деньги, которых всегда не хватает. А что сложно было маменьке, хотя бы на первые случаи жизни, к рецепту приложить и небольшую порцию бальзама, приготовленную своими руками?

Щедрые на подарки родители, похоже души не чаяли в единственном наследнике своем и на обратное возвращение его, под крышу родительского дома не рассчитывали никоим образом.

Глава 2. Кто ищет, тот всегда найдет

Увидев, что Д'Артаньян не издох, а даже напротив активно шевелится, подавая признаки жизни, Портос радостно приветствовал его:

– Добро пожаловать друг мой в...., а кстати где мы? – великан осмотрелся на незнакомой местности, отмечая для себя наличие неподалеку обширного луга, нескольких земельных наделов с находящимися на них, добротнo сколоченными избами, пары могучих дубов, растущих чуть поодаль и протекающей рядом речушки, гладь которой отблескивала от ярких лучей, находящегося в высшей своей точке светила. Вокруг, насколько хватало взора, простирались нескончаемые леса.

Поднявшись на ноги и наскоро отряхнувшись, друзья занялись поиском неизвестно куда пропавших боевых товарищей своих. Арамис нашелся довольно – таки быстро. Валялся он в кустах шиповника, дико растущего в паре метров от них. Лежа на спине, мушкетер смотрел бессмысленным взглядом в небо, как будто пытался просчитать расстояние отсюда и до стратосферы. Из всей четверки, Арамис был наиболее образован, знал несколько языков, помимо французского – латынь, английский, немецкий и как ни странно старорусский, близкий современному русскому языку, которым мы с вами худо-бедно в различной степени грамотности владеем. Где Арамис и при чем здесь русский язык спросите Вы? А все дело в том, что родился он в небольшом русском городишке -Здвижень и прежде чем зваться Арамисом, носил гордое имя Акакий, сын Федула, при рождении ему данное. Когда в 1604 году в России – матушке началась смута, вызванная походом на Москву Гришки Отрепьева (Лже – Дмитрий 1), с целью занять трон царский, мальчика Акакия решено было спешно переправить от греха подальше на чужбину, во Францию, куда его, предварительно усыпив лошадиной дозой снотворного, сложенного пополам, в коробке из-под апельсинов, как некую заморскую, ушастую тварь и вывезли тайно и можно сказать безболезненно. Уже живя в Сен-Дени – предместье Парижа, которое в 1701 году было присоединено к городу, новоявленный француз показал неистовое рвение в изучении наук и мадемуазелей, науки те преподающих. Юный вундеркинд выделялся среди сверстников безмерной активностью и неумной жадой знаний, за что и получил от них, и кстати вполне заслуженно прозвище Арамис в переводе с латинского означающее – «Умный» и охапку знатных люлей, еще более заслуженных, за развращение учительницы вокала, которая только переехала в Сен-Дени, столь неудачно начав педагогическую карьеру. Вот таким человеком был Арамис, сейчас мирно покоящийся на пыльной земле и беззлобно лицезреющий солнце в зените. Отвесив ему пару оплеух и быстро выведя из состояния одухотворенного кретинизма, друзья услышали в ответ:

– Премного благодарен.

После чего, все вместе принялись звать Атоса. Тот не откликался. Зная скрытную натуру своего четвертого приятеля, мушкетеры вполне резонно допускали, что он, в данную минуту спрятался и следит за ними из какого-нибудь тайного убежища. И действительно, в жизни Атос, он же граф де Ла Фер был подозрительно скрытен, нелюдим и малообщителен. Большую часть времени он бывал пьян, либо находился в состоянии апатии и безразличия. Опустив голову, с трудом выговаривая отдельные фразы, Атос долгими часами смотрел угасшим взором то на бутылку, то на стакан, затем словно очнувшись начинал судорожно, вдохновенно рисовать нечто, похожее то ли на цветок лилии, то ли на какой-то ободранный трилистник. Творя свой шедевр, бормотал что – то себе под нос, плевался и злобно скрипел зубами. Когда рисунок бывал закончен, бравый вояка, дико вопя, со всей дури тыкал в него ножом, изменившись в лице, рычал, еще больше заводился, сквернословил и исходя пеной, клял и хаял, обкладывая трехэтажным матом то Анну де Бейль, то Миледи, то леди Винтер, то всех лиц женского пола, живущих на планете Земля. Поскольку рисовал Атос как правило на обеденных столах,

после всех описанных выше манипуляций, они приходили в негодность и хозяева трактиров, в которых практиковался в художествах мастер -экспрессионист законно требовали компенсации за нанесенный негодяем ущерб. На что в большинстве случаев, получали от непризнанного таланта под нос фигуру из трех пальцев, а Атос соответственно в рыло и не единожды. На утро морда мушкетера распухла и становилась красно – синей. Впрочем, это обстоятельство не мешало нашему герою, выходя на улицу, разя похмельным перегаром, заявлять встречным прохожим, что у него оспа и она, то есть оспа может испортить ему все лицо. Расслабиться Атос мог только в компании таких – же как он беспутных и беспринципных алко – друзей дегенератов. Только с ними он бывал полностью искренен, счастлив и раскрепощен.

Глава 3. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих

И вот сейчас троица мушкетеров искала горе – художника, обстоятельно исследуя каждый участок прилегающей территории. Нашли его спустя час в компостной яме. Атос плавал на поверхности вонючей жижи, как – бы подтверждая поговорку о том, что оно не тонет. Мараться мушкетерам ни разу не хотелось, поэтому проголосовав и затвердив вердикт жестом, означающим единство их мысли – прикладыванием одновременно указательного и среднего пальцев правой пятерни к кисти левой конечности, было решено, что Атос выберется сам. О чем пловцу в навозе незамедлительно и сообщили. Перебивая друг – друга, стали вопить, пытаясь давать ему практические советы:

- Выгребай левее,
- Да куда левее, правее давай,
- Как – же правее, вперед нужно,
- Нужно, нужно, тебе башку поправить нужно, – злились, дискутируя и переходя на личности друзья.

Стоит отметить, что яма с фекалиями была не особо глубокая, размерами примерно два на два метра, смрад от нее исходил сугубо мерзкий и тошнотворный, поскольку сбрасывались в нее судя по всему, экскременты от парнокопытных и двуногих со всей ближайшей округи.

Поняв, что слушать советы трех одновременно, орущих придурковатых друзей, дело бесполезное и бессмысленное, одурманенный удушливым зловонием, граф де Ла Фер решил действовать самостоятельно, смело и решительно. Мощно оперевшись обеими руками на край ямы и резко оттолкнувшись он соскользнул и плюхнулся обратно в компост.

Вдохновленный извиваниями, терпящего бедствие Атоса, Арамис громко запел:

- Господь, ты видишь это тело,
- В нем жил злодей и пасквилянт,
- Его ты создал неумело, но дал мне шанс исправить дело
- Но дал мне шанс исправить дело

Портос резко прервал горлопана:

- С ума Вы что ли сошли сударь? Давайте все вместе и нашу.
- Ах, да пардоньте, – спохватился Арамис и они вместе с гигантом затагнули:
- Пора-пора-порадуемся на своем веку
- Красавице и кубку, счастливому клинку,
- Пока-пока-покачивая перьями на шляпах,
- Судьбе не раз шепнём: «Мерси боку».

Д«Артаньян, глядя на все происходящее не мог сдержать переполняющих его эмоций, скрюченный вдвое от неудержимого смеха, он катался по земле рядом с певческим дуэтом.

Под слова мушкетерского гимна, приложив нечеловеческие усилия, Атосу наконец – то удалось выбраться на твердую поверхность земли.

Сдержанно поблагодарив друзей за помощь и деятельное участие в своей судьбе, мушкетер предложил всем присесть, обдумать сложившуюся ситуацию и пути выхода из нее. Присели. От графа де Ла Фер невыносимо несло испражнениями, поэтому отсели от него подальше. И еще немного. Метров пять, посчитали нормальной дистанцией. Но даже, на таком почтительном расстоянии от «вонючки», мыслить особо не получалось. Вонь сковывала волю и отключала мозг. Шибко хотелось пить, а точнее выпить. Да что там выпить – нажраться. После скоротечного совещания, решили идти в ближайший дом для рекогносцировки ситуации и поисков продуктов.

Глава 4. Хлеб да соль вам гости дорогие

Подойдя к двухэтажному строению, долго стояли перед дверью, не решаясь постучать и сделать шаг в неизвестное. Первым из оцепенения вышел молодой гасконец. Со всей дури, своего юного и надо отметить не самого умного организма, он лупанул ногой в дверь. Потом еще раз и еще. Фанатично и с каким – то остервенением, продолжал он наносить мощные удары. Минуты через три с той стороны двери раздался хриплый спросонья голос:

– Иду. Иду, иду, иду. Да иду уже. Хорошо долбиться. Минуууточку. Минуууточку. Счас милай я те постучу, я те счас так постучу, счас все будет, – обнадежил из дома, ближайшей перспективой, невидимый доселе собеседник. Дверь резко отворилась и на пороге образовался невероятно крепкий, почти квадратный мужик, роста выше среднего в белой рубахе – косоворотке и казацких широких штанах – шароварах. Филосовски улыбаясь, он оглядел прихожан и вместо здрасти жажнул по загадочной, ехидно ухмыляющейся, физиономии Д'Артаньяна, сопровождая свои действия, непонятной для французов фразой:

– Держи в моську, рожа усатая. Вот и здрастье вам, – после чего, смачно плюнув в сторону, опешивших мушкетеров, закрыл портал изнутри.

Данную реплику понял лишь Арамис, который как мы помним знал русский язык вдоль и поперек, со всеми его оборотами и кривотолками. Остальные участники действия стояли, слегка очумевшие от оказанного им гостеприимства. Д'Артаньян, не подающий признаков жизни, лежал скучный метрах в четырех от двери, на которой еще несколько минут назад отрабатывал фронт и лоу – кики.

Арамис, робко постучав, отошел на пару шагов, помня, как трагически закончилась для одного из них предыдущая долбежка двери.

– Кому еще харю попортить? – дружелюбно поинтересовался хозяин жилища, вновь отворив калитку и шагнув в сторону пока, что стоящей на своих ногах троицы. Тут слово взял Арамис. Понимая, что не за горами тот момент, когда очередь быть ушатым дойдет и до него, он заверещал на чисто русском диалекте без признаков какого -либо парижского акцента:

– Просим не держать на нас зла из-за нашего недалекого друга, -кивком головы он указал на мычащего, начинающего приходить в сознание гасконца.

– Разрешите пройти в дом и мы поведаем нашу невероятную со всех сторон историю без прикрас и выдумки.

– Дурака учить, что мертвого лечить, – высказал народную мудрость загадочный крепыш и пригласил мушкетеров в избу. Смердящего и жутко воняющего Атоса, в дом не пустили, пока он не сбросил пропитанную дерьмом одежду свою и не остался в исподнем. После этого, его окатили водой из бочки и оставили обсыхать на солнце. Затем вошли, расселись за длинным, овальной формы деревянным столом. Голому графу де Ла Фер дали простыню, дабы он обернулся в нее и не смущал общество своим бледным организмом.

– Звать меня Братуля Семенов по прозвищу Кроха, – начал держать речь радушный домовладелец. В соседних домах живут мои братья Тишка, Мишка, Гришка и Бахтияр. Отшельники мы. Ловим рыбу в реке, на зверье в лесах охотимся, скотину выращиваем, точнее выращивали. Огород поддерживаем. Тем и богаты, – описал парой фраз, смысл жизненного бытия, хозяин хибары.

– Теперь вас послушать интересно было – б. Кто такие? Чем живете? Чем дышите? Как в наши края попали? Куда путь держите?

Портос с Атосом не поняли из вышесказанного абсолютно ничего и с видом женихов на выданье уставились на Арамиса, ожидая перевода. Тот уселся поудобнее и начал свою речь, взирая честными очами на Братулю.

– Я Арамис, это мои лучшие, да что там лучшие, единственные друзья Д'Артаньян, Портос и Атос.

– Чудные имена у вас. Что клички у собак, – бесцеремонно перебил собеседника Кроха.

– Ну давай вещай дальше.

Подробно рассказал мушкетер про свое детство, обрубленное по колено, про дефицит общения, про игрушки из соломы, про то, что частенько нечего было покласть в рот. Излил душу про отрочество свое неприметное и юность нескладную. Закончил, полное боли и страданий повествование, несостоявшийся аббат изложением истории со взрывом в крепости.

Опус об искалеченной жизни своей, дался не легко. Руки дрожали, капли пота стекали по его покрасневшему лицу. В этот момент, дверь в жилище приоткрылась и на пороге возник пошатывающийся и как паралитик мотающийся из стороны в сторону головой, с чумной улыбкой на физиономии, очухавшийся, частично пришедший в себя и полностью приведший себя в дом, Д'Артаньян. Разнервничавшийся Арамис, с выпученными глазами набросился с криком на вошедшего:

– Мы еще встретимся друзья, обязательно встретимся. Что ты там в крепости еще орал гасконская твоя морда? Через двадцать, тридцать, сорок лет. Встретились каналья, тьфу, – смачно плюнул он себе на сапог.

Потенциальный маршал Франции, стойчески выдержал словесный понос, параноидально беснующегося Арамиса, хотя чувствовал себя максимально прескверно, кружилась голова, болела разбитая радушным хозяином скула, подкашивались ноги. Стошнило его прямо в стоящие у входа сапоги отшельника. Братуля поднялся.

Когда через двадцать минут Д'Артаньян обрел сознание, болела и черепушка и вторая скула, подбитая для симметрии. Правда лежал он уже не на грязном, заблеванном полу, а на удобном, широком топчане, заботливо перенесенный друзьями по несчастью.

– У нас на Руси, прежде гостю поднеси, – выдал очередной народный шедевр местный нокаутер.

Атос, собравшись с духом, попросил, слегка успокоившегося Арамиса озвучить интересующий всех вопрос:

– Подскажите уважаемый, а где мы вообще? Куда занесла нас нелегкая и сила взрывной волны в совокупности?

– А чего ж не сказать, конечно скажу. Год нынче за окном 1628, месяц липец, июль то есть. На земле русской вы. Мякишкин скит слышали?

Не слышали? Ну конечно откуда вам лягушатникам про наши места наслышанными то быть? Вот как попали сюда вы и для чего, никак не уразумею? Может на перевоспитание создатель направил вас в наши места? Судя по всему, банда ваша много кому кровушки то попортила. Непокойная, неугомонная компания у вас. Вон пока в зубы не ткнешь, не успокоитесь, – указал Кроха на отбуцканного, лежащего дебошира.

– Что же мне с вами делать то? – исподлобья взирая на мушкетеров, спросил Братуля сам себя.

– Ладно, вечер придет, соберем совет с братьями, авось и решится что.

Отдыхайте пока. Бывает и меньшее, лучше большего! – таким народным изречением, произнесенным вообще ни к месту подвел он черту изнурительному разговору и вышел из дому, оставив четырех гостей в полном недоумении и прострации.

Глава 5. Дружеская беседа

Первым заговорил Атос:

– Как я правильно понимаю господ, мы в заднице, в самой ее сердцевине. Непонятно каким образом нас телепортировало из Ла —

Рошели сюда, в Мишки, в Макши, в ну как сказал этот русский Иван, где мы?

– Мякишкин скит, – подсказал разбирающийся в русской географии Арамис. И не Иван он а Братуля.

– Вот, вот скит, кстати что это означает, – не отставал, испытывая несвойственный ему прилив любознательности Атос.

– Это жилища, где уединяются монахи – отшельники. Уходят туда те, кто готов к особому духовному подвигу, – блеснул познаниями, теперь уже в области русской истории, Арамис.

Однако Атос не унимался, то – ли пытаясь вывести друга из себя, преследуя ему одному понятные иезуитские цели, то – ли действительно проникшись интересом к русской истории:

– И какой – же по Вашему, дорогой Арамис подвиг совершил этот здоровый детина – отшельник, приютивший нас?

– Про подвиги его, Вы спросите у нашего гасконского Квазимоды, -парировал к словоохотливому оппоненту, уставший спорить ни о чем Арамис.

– А для меня все эти русские Гришки, Мишки – Иваны, – промямлил с топчана все больше, распухающей образиной, благороднейший представитель славной Гаскони.

– Да о чем вы тут вообще спорите, Иван не Иван, какой скит – Мишкин, Машкин, Макушкин, да какая к свиньям собачьим разница.

Нужно думать где нам еды раздобыть. Я бы сейчас поросенка съел, – вступил в разговор вечно голодный Портос.

– Вам бы Портос, только брюхо набить, – переключился с Арамиса на великана Атос.

– Я и рыло могу набить, если понадобится, долго просить не придется, – возразил великан.

Но Атос, похоже твердо решивший сегодня отхватить пару – тройку оплеух не успокаивался:

– То – то я смотрю, дражайший Портос, когда этот, как его ммм.. Братулек, проводил диагностику лица нашего молодого товарища на устойчивость к внешним воздействиям, в виде приложенной кулаком к лицу силы в... а кстати, во сколько Ньютон друзья, вы оцените силу удара, с которой получил знатных звиздюлей наш беспокойный друг?

– Что такое удар, други мои, – начал излагать свои познания в физике, образованный Арамис, – удар это кратковременное взаимодействие тел, при котором происходит перераспределение кинетической энергии. И перераспределение это частенько носит разрушительный для взаимодействующих тел характер, – закончил он.

– Ну для одного – то из тел определено, – глядя на Д'Артаньяна поддержал беседу Атос.

– Вот по отношению к нему, кратковременно и перераспределили всю энергию по схеме взаимодействия кулак – лицо и стоит отметить, что характер повреждений действительно в некоторой степени разрушительный.

Д«Артаньян, развалившийся на удобном ложе, блаженно улыбаясь, наслаждался неспешной, обстоятельной беседой своих товарищей, в которой главным действующим лицом был он. Точнее лицо его было главным предметом рассуждений, споров и насмешек.

Глава 6. Волшебный погребок

Портос уже минут пять как не слушал эту пустую болтовню, в силу своего отсутствия в комнате. Обследуя жилище, на предмет наличия какой-либо еды он наткнулся на люк, ведущий судя по всему в погреб. Приподняв крышку, он увидел крутую лестницу, ведущую вниз. Сердце великана радостно забилося в предвкушении скорой трапезы. Аккуратно встав на верхнюю ступеньку лестницы, он поскользнулся на влажном от конденсации паров покрытии и считая мощной задницей выступы, начал свой скоростной спуск к плодово – овощной мечте. Насчитав ровно десять ступеней, изнывающий от голода циркач – мушкетер приземлился на ледяной пол, нешуточно отбив себе пятую точку. Поднявшись на ноги и потирая, ушибленное в результате акробатического этюда седалище, он начал инспектировать, хранящиеся в помещении запасы. В огромных, расставленных вдоль стен дубовых бочках хранились круто просоленные огурцы, помидоры, грибы, квашенная капуста, а так – же ягоды, фрукты и всяческие другие, неизвестные глазу и желудку француза, невыносимо смердящие разносолы. В некоторых бочках из глубины на поверхность непрерывно поднимались газы, образовывали большие пузыри и издавая противный звук лопались. Зрелище, надо сказать было не для слабонервных. Напротив ожидающих, своих кулинарных жертв бочек, стояли пяти, десяти и двадцати – литровые бутылки с мутной, непрозрачной жидкостью, слегка желтоватого оттенка, неизвестного происхождения.

Внушительная композиция эта из бочек и бутылей, как – бы намекала, случайно оказавшемуся здесь – дружище, если после отведанного огурчика, помидорчика али яблочка мочевого, тебе дюже поплохело, срочно прими эликсир защитный, подлечись самогончиком что – б не сдохнуть сиюминутно, в жутких конвульсиях, при этом еще и гадко обделавшись.

– Такой мерзостью и отравиться, как два пальца об асфальт, -объективно и здраво оценил возможное пагубное действие деликатесов на отдельно взятый мушкетерский организм, проявивший несвойственную ему вменяемость Портос. Почему – то перед глазами, неожиданно возник образ, давно ушедшего в мир иной и надо отметить не по своей воле, родителя своего. Исаак де Порто -старший служил нотариусом при Беарнских Провинциальных штатах, был богатым землевладельцем, имел хорошую коллекцию вин, которую с настойчивым постоянством и опустошал, когда один, а когда и в компании единомышленников. Через что и кончился. Нуу помер то есть. Ушел правда геройски – друзей своих спас. Первым, паленый портвейн выпил и вскоре был предан земле, выжившими в неравной схватке с зеленым змием соратниками по пагубному пристрастию. Пока еще выжившими. Потому, что по причине отравления, некачественной алкогольной продукцией, покидали собутыльники этот бранный мир с завидной регулярностью, один за другим, дабы воссоединиться с Портосом – старшим на небесах.

Портос – младший тряхнул головой, как – бы смахивая пелену, нахлынувшего наваждения.

– Одна голова хорошо, а четыре лучше, – логично рассудил он и скоро полез по лестнице наверх, звать в погреб на толковище друзей. На верхней ступеньке лестницы, как мы помним, влажной от конденсации паров, мушкетер ожидаемо поскользнулся, совершив быстрое и болезненное падение к началу своего восхождения. Теперь болела не только задница, но и огромное пузо, которое сработало как подушка безопасности при приземлении. Упал гигант не совсем удачно, опрокинув, своей безразмерной тушей несколько бочек с соленьями. Теперь на полу, в слякотной жиже, именуемой местными – рассол или засол, валялись тут и там разбросанные огурцы, помидоры и грибы.

На грохот, донесшийся из подвального помещения, в спешном порядке прибыли Атос и Арамис.

– Прошу Вас господина, спускайтесь ко мне, нам есть о чем пораскинуть мозгами, – пригласил друзей Портос.

Не допустив ошибки, ранее скатившегося в продуктовую кладовую неуклюжего товарища, мушкетеры аккуратно преодолели маршрут комната – погреб и вновь собрались втроем, для принятия судьбоносного решения:

– Пить или не пить? Вот в чем вопрос, – издав начало хитрый Атос, поднимая с пола и внимательно рассматривая на свет пятилитровую емкость с жидким продуктом.

– Прежде чем мы положительно ответим на поставленный в кулуарах вопрос, – перебив предыдущего оратора, слово взял башковитый Арамис:

– Перед дегустацией этой малосимпатичной жидкости, – он указательным пальцем трижды постучал по бутылке, жадно сжимаемой Атосом, – я вам скажу, что сей напиток зовется замысловатым словом – самогон. Делается он на основе свеклы, картофеля, пшеницы, гороха, различных ягод и хотите верьте, а хотите нет – дерьма.

– А какого простите дерьма, – в свою очередь так – же без зазрения совести, перебил Арамиса – Атос, – человеческого или вышедшего из задницы какой-нибудь другой парнокопытной скотины?

Тема дерьма вовлекла в диалог и молча стоявшего, доселе Портоса, ковырявшегося в носу и внимательно разглядывающего производные, извлеченные из недр данного органа, отвечающего за обоняние.

– Атос, Вы дурак или только прикидываетесь, – беззлобно спросил он.

– Ну скажите мне, дорогой мой друг, какая разница кто навалил кучу из которой потом сделали этот волшебный эликсир, условная корова или мы с Вами? Дерьмо, оно и есть дерьмо. Из дерьма получается дерьмо.

Из участвующих в дебатах на тему дерьма мушкетеров, Арамис был самым дерьмоподкованным, поэтому и взял слово. И выступил на стороне дерьма и в защиту оно.

– Вот вы говорите дерьмо. И относитесь к дерьму дерьмово. Можно сказать безразлично. Хотя если рассудить, то это может быть самая ценная вещь на планете. Ведь вся наша жизнь происходит из дерьма и в дерьмо же и уходит.

Слушатели, выпучив глаза как на идиота смотрели на лектора, выдающего нагора такие неадекватные мысли.

– Для хорошего урожая необходимо удобрить землю – матушку дерьмом, – развивал мысль Арамис. Из дерьма произрастают овощи, травы и много еще того, что едим мы и животные. Животные дают нам мясо, молоко, шерсть и все прочее. Человек все это потребляет и снова переводит в дерьмо. Вот и происходит можно сказать круговорот дерьма в природе. И вот встает законный вопрос – зачем человеку потреблять дерьмо в виде мяса или допустим молока, то – есть в переработанном виде, а не лучше ли, отбросив предубеждения и ложную безразличность, потреблять дерьмо в чистом виде, как замечательный витамин.

– Tais-toi, t'es enfin un crétin, – прорычал измученный аморальными, мараматическими разговорами о дерьме Портос, что дословно переводится как:

– Заткнись ты уже наконец долбаный кретин.

Арамис спорить не стал и поскольку тема дерьма была им максимально широко раскрыта, смиренно предложил электорату голосовать. Единогласно отдали голоса за дегустацию огненной жидкости.

– Надеюсь это пойло не на дерьме, – пробурчал себе под нос граф де Ла Фер, подводя черту под дерьмовой темой и поднимая пятилитровую емкость по лестнице наверх.

Глава 7. Вечер в хату

Д«Артаньяна, спавшего сном праведника решили не тревожить и сами, сделав две, три ходки в погреб и обратно, перетащили и разложили по мискам на столе, в качестве закуски – квашенную капустку, соленые огурцы и помидорчики, грибы, моченые яблоки и много еще каких вонючих разносолов. В шкафах нашли вылепленные из глины стаканы. Ложек и ножей обнаружить не получилось. Либо их не было вовсе, что крайне маловероятно, ну не из сложенных же вместе ладошек кушают в доме огненно – горячие супы и каши, либо были они припрятаны хозяевами настолько грамотно и со знанием дела, что сами домочадцы не могут припомнить место их схрона. Атос, не выпускающий из рук сосуд с напитком, непонятно зачем энергично взбултыхнул бутылку и зубами освободил горлышко от крышки. В комнату, как джин из лампы ворвался характерный сивушный амбре и как черти из табакерки – братья Семеновы, по-хозяйски резко распахнувшие входную дверь и возникшие на пороге.

Братуля, Тишка, Мишка, Гришка и Бахтияр росту были примерно одинакового, строением тела и мускулатурой обладали схожими и возраста были от 35 до 45 лет. Старшим в семействе Семеновых был Братуля. Четверо из пяти братьев и лицами и статью походили друг на друга как две, а точнее четыре капли воды, будто из-под одной коровы вылезли. А вот пятый отличался от покерной четверки братьев богатырей. Разнил его от остальных родственников и инородный овал лица, и разрез глаз, и цвет волос, в общем был он как отбитый молотком пятый палец на руке – отличный от других. И прозвище имел соответствующее – Гришка Полупокер.

– Доброе братство дороже всякого богатства, – метких народных изречений в голове старшего из братьев было похоже предостаточно.

– Знакомьтесь, это братья мои – Тихон, Михаил, Григорий и Бахтияр, – представил медведеподобных амбалов Братуля.

Те молча, синхронно кивнули в знак приветствия. А ринг – анонсер стал представлять родственничкам мушкетеров:

– Тот непуть, что дрыхнет и выдыхая задом портит воздух – это Д'Артаньян – жалкая ничтожная личность.

– С пузом, как у беременной – Портос, похоже только и делает, что жрет да гадит.

– С благообразной физией – это Арамис, по нашему калякать может, умный аки профессор. Наукам обучен.

– Ну и этот ущербный в простыне – Атос. Беспольный типок. Дай дуракам власти, развалят Русь на части, – махнув рукой закончил любитель народных афоризмов.

Не понимающие ни хрена по – русски, мушкетеры, благообразно улыбались и кивали гривами во время вручения им столь лестных и положительных характеристик.

Все понимающий Арамис, отвернувшись к стене незаметно посмеивался над приклеенным к каждому из его друзей поносному ярлыку.

– Что – же мне с вами делать то? – второй раз за день, озадачился вопросом сердобольный Братуля.

– А может это.. за знакомство, – раздался голос среднего брата – Григория.

– Нуу, за знакомство можно, даже я бы сказал нужно, – разрешил, к общему надо отметить удовольствию, харизматичный Кроха.

Даже без переводчика, по льющимся интонациям, поняв о чем идет речь, смышленный Атос протянул бутылку с самогоном хозяину дома.

– Это вы в погребе что – ли раздобыли? – обратился к Арамису старший из братьев, и получив утвердительный ответ, заржал как конь, вспомнив как с неделю назад, сгоряча хлопнув стакашек этого продукта, Тишка, дико траванулся и два дня слонялся по местности сам

не свой, дурак – дураком, то плакал, то смеялся и регулярно ходил в штаны. Когда – же обгаженные шаровары стирать уже не было никакой возможности, в задницу Тихону вбили кляп, спасая его от обезвоживания и дизентерии.

Уняв спазмы, вызванные волной нахлынувшего смеха, Братуля продолжил, обращаясь к самому младшему брату – Бахтияру:

– Убери эту гадость с глаз моих и доставай медовуху, специально для гостей дорогих приготовленную. Счас интуристов будем подчивать напитком благообразным да Русь – матушку восхвалять в речах застольных.

Младшенький, как – будто только и ждавший этих слов, мухой метнулся к стоящему в сенях шкафу.

– А почему не это пойло, – тыча в бутылек с самогонкой спросил Арамис.

– Да не удался продукт нынче, аппаратик сбойнул чутка, вот вся партия и коту под сраку, – вклинился в беседу Мишаня.

– У вас же литров сто его в погребе припасено, – не унимался русскоговорящий мушкетер.

– Да надо, коням вылить его, пушай пьют, резвее будут, – вынес приговор самогонке один из славных братьев Семеновых.

Арамис довел суть беседы до своих друзей. Те недоуменно пожимали плечами и шептались о нелогичности и таинстве жития и бытия на Руси.

Бахтияр быстро вернулся, держа в одной руке двадцати литровую посудину, с такой же как самогон желтоватого цвета жидкообразной массой, только прозрачной на вид.

– Счас мы вас особым напитком угощать будем, – собираясь открыть секрет рецептуры, завел речь Братуля.

– Нектар этот из меда готовится. Мед смешивается с разными фруктами и ягодами, особенно хорошо с земляникой, которой в наших местах произрастает пруд – пруди.

Что означает выражение «пруд – пруди», не понял даже Арамис, не говоря уж о его безмолвных друзьях. Однако, те натужно продолжали давить лыбу, дабы не омрачать своим кислым видом настроение хозяевам.

– Земляника, фрукты, другие ягоды в сочетании с медом делают напиток сей ни с чем несравнимым и столь приятным, что никогда нельзя им насытиться вполне. И пить мы его будем без всякой другой пищи, до полного опьянения.

Дегустаторы заняли места за столом.

Глава 8. Пышное застолье

– Хлеб – соль берем, вас пировать зовем – глава застолья продекламировал очередную народную истину и тыча сосискообразным пальцем в спящего Д'Артаньяна обратился к Арамису:

– Этого пердилу будить будем?

Все дружно усталились на мирно храпящего, двумя дырками, гасконца. Тот, видно в знак уважения к столующимся, выдал нижней частью тела столь продолжительную, гневную и в то – же время звонкую трель, закончившуюся мощным, громоподобным раскатом, что не оставил сомнений в правильности выбора.

– Давай Бахтиярушка, аккуратно, как только ты можешь, разбуди храпуна, сделай красиво, да разливай напиток волшебный по чаркам, начнем веселье застольное, – ласково напутствовал младшего брата старший.

Бахтияр встал из – за стола, неспешно подошел к спящему, и со знанием дела, с оттяжкой, отоварил того с ноги по нижнему храполоку.

– Просыпайся уже, бздун французский. Весь воздух попортил. Дышать от вони твоей нечем. Глаза режет.

Катализированный к пробуждению, волшебным пендалем француз быстро оценил обстановку:

– Bonjour à tous! – по – французски прокаркал он, что означает:

– Всем привет! – и поднялся на ноги. Хоть и говорится, что крепкий сон – залог здоровья, однако в случае с одним из лучших сыновей Гаскони, это не прокатывало. Лицо его было, как бы это помягче сказать, ну в общем было оно, похоже на жопу. Заплывшие, как у китайского болванчика зенки, еле заметные из – за обширной опухлости, спросонья ничего не выражали.

– Здорово, коль не шутишь. Давай топай к столу, ужинать будем – позвал Мишка.

Все расселись по местам. Разлили по сосудам медовуху.

– Будем! – открыл праздничный вечер Братуля, не шибко утруждая себя произношением длинного тоста.

Девять рук синхронно вскинули чарки, с находящимся в них чудо – напитком. Жидкость была не особенно крепкая, градусов тридцать, пилась легко, непринужденно и закуски не требовала.

– Между первой и второй можно выпить чарок шесть, – изрек главный тамада вечера.

Сигнал был принят, медовуха розлита и употреблена.

– Желаю что бы все! – прозвучал очередной витиеватый тост от старшего Семенова.

Новая порция нектара осела в желудках, русских и французских.

– Когда человек пьет, его даже змея не кусает, – это уже Арамис блеснул эрудицией.

Данное изречение так – же сошло за тост. Выпили. И повторили еще. И снова. И вновь. И опять. И по новой. За мамку и папку, за Родину и за товарища Михаила царя – первого из династии Романовых, правящего на Руси. И за французского владыку Людовика XIII, за стабильность во всем мире, за хорошую погоду, за урожай, за баб, без которых жить нельзя на свете, тоже махнули. После того, как торжественная часть вечера подошла к концу, глушили сивуху уже без тостов, просто так. В определенный момент пить устали. Дабы не закиснуть, решили скрасить дальнейший досуг играми на свежем воздухе. Играть решили в «неваляшку». Исключительно в силу незатейливости и простоты данной забавы. В аттракционе должны принимать участие два человека. Теперь оставалось только определиться с ведущим и неваляшкой. На камень, ножницы, бумага из мушкетеров выбрали неваляшку. Повезло Атосу. Быть ведущим, с большой надо отметить охоткой, вызвался Мишка. Ничего не подозревающего,

замотанного в простыню Атоса, вывели во двор, поставили лицом к дому, спиной к водящему и приказали громко считать до ста. После чего, на голову одели огромный, измазанный сажей, чугунный котелок, в котором деревенские варят картошку. Зрители расположились чуть поодаль, внимательно наблюдая за происходящим действием. Следом за Атосом, вышел водящий. В руках у него уже было «водило» – тяжеленная кочерга. Не говоря ни слова, Мишаня с размахом, на какой только способно человекообразное существо, обрушил железный инструмент на голову Атоса, которую как каска прикрывал котелок. Раздался страшный гул, отозвавшийся вибрацией стекол в избе и француз как стоял, так и рухнул, будто срезанный автогеном, проорав:

– Cinquante – trois. (Пятьдесят три).

Часть зрительного зала, в лице братьев Семеновых, громко зааплодировала достойному удару. Вторая часть, представленная мушкетерами, в ужасе ахнула и бросилась к павшему товарищу.

– Знатно вышло, – высказался, вложивший всю душу в удар русский богатырь, дабы оценить плоды своего триумфа, подошедший к поверженному, лежащему в беспамятстве на земле графу.

– Еще чутка и думаю позвонки в трусы ссыпались бы непременно, – подытожил Михаил.

– Слабачок, французишка, – изрек Братуля.

– До неваляшки ему, как до Антарктиды. Вот вы вспомните, как Гришаня после моего удара – четыре раза падал, три вставал. Вот это сила духа у человека, вот это настоящий неваляшка.

– Ага, только потом он, пока здоровье не вернулось, месяц вместо туалета в шкаф бегал, нужду справлять и жрал из собачьей миски, объедая бедного Шарика, – возразил Крохе – Тишка.

Тот, не стал углубляться в спорную тему и предложил свой вариант дальнейшего времяпровождения:

– Нужно привести потерпевшего в себя и идти пить.

Атоса, окатили ледяной водой из колодца. В результате этой водной процедуры он открыл один глаз. В ушах, до сих пор стоял невероятный шум.

– Очухался родимый, ну давай вставай потихоньку, – протянул контуженному, руку помощи Бахтияр.

Граф де Ла Фер с трудом поднялся на свои ходули и опираясь на младшего из братьев, поковылял к дому. Ноги подкашивались и не особо слушались своего хозяина. Руки заметно дрожали. Котелок с головы пришлось снять, поскольку он закрывал глаза, загораживая видимость и мешая ориентироваться на местности. Бедолагу завели в дом, обвязали черепушку мокрым полотенцем и силком усадив за стол предложили:

– Давай – ка подлечись. Для восстановления, жизненно необходимо.

Атос, как зомбированный имбецил, принял из рук Братули чарку и залпом освоил ее. Остальные, сделали то – же самое. Расселись за стол в том – же порядке, что и до уличных развлечений. Семеновы пили с охоткой, можно даже сказать с каким – то неподдельным фанатизмом.

В очередной раз ударились кружка о кружку. Утром еще, не знакомые люди, сейчас дружно общались через Арамиса, который выступал толмачом для обеих сторон. Только чумной Атос вел себя не совсем адекватно, но страдающего раздвоением личности графа, старались не замечать. Ни с того, ни с сего начинал он выть по собачьи и падая на корячки бегать вокруг стола на четвереньках. Пару раз это сошло ему с рук. Понимая, что человек еще полностью не восстановился, после полученного потрясения, компания лояльно отнеслась к его придури. Однако, когда Атос в очередной раз ошметинился, залаял и попытался прокусить сапог на ноге Гришани, а затем, получив пинок, обиженно заскулил, отбежал в угол,

задрал правую ногу и по собачьи опорожнился, решено было поставить временную точку в деле графа – барбоса, связав простыней руки за спиной оборотня и усадив на табурет недалеко от стола. И надо сказать – временная изоляция пошла ему на пользу. Проанализировав обстановку и трезво оценив тот факт, что со скованными клешнями он лишний на этом празднике жизни и весь жидкий продукт уйдет мимо его рта в зрительный зал, щепетильный мушкетер, опять – же через Арамиса, попросил его освободить, клятвенно заверяя, взамен вести себя достойно графского титула. Развязали, налили, чокнулись, выпили. Лакали без тостов. Громко общались, одновременно говоря, перебивая и не слушая друг – друга. Атос все время просил прощения, пускал слезы и слюни, снова каялся, но на него никто не обращал внимания. Скоро медовуха закончилась. Бахтияр был послан за новой партией волшебного эликсира, а ноющий Атос – на хер со своими извинениями. Младший брат, быстро обернувшись, приволок еще одну двадцати – литровую посудину с алкогольной продукцией. Откупорили ее и веселье заиграло новыми красками. Братья, разбившись по парам, стали меряться между собой силушкой в борьбе на руках. Портос подсел к незадействованному в спортивном мероприятии Гришке – полупокеру и пытливо, заглядывая тому в глаза, похлопывая ладонью по щеке, ласково спросил:

– Tu me respectes? – что переводится как:

– Ты меня уважаешь?

Арамис, услышавший сей монолог из уст гиганта и с ужасом, понимающий чем он может грозить всей четверке мушкетеров, отвел в сторону, медленно но верно приходящего в себя Атоса и уже изрядно веселого, качающегося из стороны в сторону Д'Артаньяна. Тройка мушкетеров о чем – то пошепталась, периодически бросая беспокойные взгляды на Портоса и, видно приняв окончательное решение, делегировала для погашения в зародыше, назревающего конфликта, дипломатически настроенного Арамиса. Свеже – избранный парламентарий, решительно подошел к Портосу и отработал его, стоявшим рядом табуретом. Тот, еще успев повторно произнести:

– Tu me respectes? – после чего потерял нить разговора, а вместе с ней и сознание.

Временное лишение великана дееспособности, было мерой насколько варварской, настолько же необходимой. Если бы он, в своем духе продолжил приставать к хмельным богатырям, с глупыми, необязательными вопросами, то люлей отгребли бы все. А так и волки сыты и овцы то – же. Взяли Портоса за ноги и за руки, отнесли в соседнюю комнату, положили спать на пол и продолжили пир. Когда спиртное уже не лезло внутрь, тренированных организмов, а даже и наоборот, старалось покинуть бранные тела, решено было ложиться спать, предварительно устроив файер – шоу.

Чутьочку отвлекаясь, нужно констатировать тот факт, что игрища братьев Семеновых, в силу скудости их ума, были насколько веселыми, настолько и экстремальными, что собственно и показали дальнейшие события.

Для демонстрации зрелища, принесли необходимый инвентарь – лук и стрелы. Во двор решили не выходить, по причине полного отсутствия сил. Открыли окно в доме. Как правило, итогом файер —шоу, были сгоревшие до основания здания или спаленные вместе с лугом, стоящие на нем тут и там стога сена, либо часть леса, выгоревшая до тла. Сегодня мишенью выбрали небольшое сооружение, стоящее чуть в стороне от жилого массива Семеновых и служащее, для хранения используемого в повседневной жизни инвентаря. По условиям конкурса, из принесенного лука, нужно стрелой с горящим наконечником попасть в цель. Сейчас уж и не вспомнит никто, кому из братьев, давным – давно, изначально пришла в голову идея данной забавы, но горящие избы, поля и леса тушили всегда вместе, наутро протрезвев и задавая себе ключевой вопрос – зачем? Зачем нужно было устраивать эту огненную вакханалию. Вот и сейчас в пьяном угаре, ожидание пиротехнического шабаша одержало верх над здравым смыслом.

– А может по крайнему дому пальнем, – предложил, идиотски посмеиваясь и икая Тишка.

– А может тебе в ухо дать, – категорически возразил, проживающий в этом доме Мишаня.

Этим диалогом и был дан старт турниру снайперов имени Робин Гуда. Поначалу дело не спорилось. Только десятым выстрелом сарай был успешно подпален и все довольные улеглись спать, кто – где упал. Песен решили не петь, оставив хоть какое – то развлечение на день грядущий.

Глава 9. Как отвратительно в России по утрам

Пробуждение выдалось беспокойным. За окном тлели угли хозяйственной постройки, полностью выгоревшей со всем содержимым инвентарем, не добавляя хорошего настроения очнувшейся компании. Хворали все. Миссию по оздоровлению трясущейся с бодуна алкобратии, взвалил на себя опытный мед – брат Братуля.

– Всякому дню подобает своя забота, – снабдил он народной истиной выживших и сразу наполнил медовухой девять стаканов, предложив лечением души начать день занявшийся. Атоса сразу вырвало. Трижды подлечившись, решили взять паузу в непростом и где – то даже опасном для неподготовленного человека деле – винопитии, так – как нужно было продумать, как помочь, теперь уже друзьям мушкетерам вернуться в Париж, поскольку первый день раздумий по данному вопросу ничего, кроме головной боли не принес. Для достижения хоть какого – то прогресса в данном вопросе, решили затопить баню, что – бы освежить мысли в головах и вывести из организмов шлаки, накануне в огромных количествах добровольно в них влитые. Растапливать баню отрядили Бахтияра и Гришку. Остальные, наскоро перекусив разносолами и махнув еще по парочке, расселись за столом, обдумывать шаткое и незавидное положение французов в России.

Долго, просто сидели молча и смотрели друг на друга, переводя хмельные взгляды с одного полубухого рыла, на другое. Мыслей не было. Ну вернее были, но все они крутились вокруг, да около алкогольной тематики. Атос даже задремал в позе мыслителя, уперев подбородком руку, согнутую в локте. Вспоминался ему, тот день, когда он обнаружил клеймо на плече у своей молодой женушки. А произошло это вот как:

Традиционно, представляя команду королевских мушкетеров на ежегодных, межведомственных соревнованиях среди силовых структур города Парижа, по скоростному выпиванию бочки анжуйского вина на время, граф де Ла Фер, прогнозируемо был в числе лидеров, заняв в итоге почетное третье место. В награду, за сие достижение, от своего руководства бронзовый призер турнира, получил больничный на две недели, для восстановления, пошатнувшегося в результате самоотверженного спортивного подвига здоровья и двести пистолей для поездки на Форжеские воды, знаменитые своими горячими источниками минеральной воды, обладающими целебными свойствами. Горячо поблагодарив, щедрое начальство, Атос принял решение безжалостно пропить заслуженный гонорар. Он купил вина на все деньги, заперся у себя в квартире на улице Феру и жестко забухал. В течении шести суток, граф фанатично уничтожал спиртное, напиваясь – засыпал, просыпался и пил по новой. Утром седьмого дня, открыв глаза Атос вспомнил, что он женат, а в родовом его поместье, скучает молодая супруга, с которой они обвенчались не так давно. Сделав для себя такое открытие, граф де Ла Фер ополоснул харю и вскочив на коня помчался к любимой, намереваясь сделать ей сюрприз, неожиданным своим появлением. Нигде по пути не останавливаясь, к ночи граф был в своем замке. Подгоняемый большим, светлым чувством, взлетел он вверх по лестнице на крыльях любви, к комнате, где спала его ненаглядная. Стараясь не шуметь, дабы не разбудить свою прелесть, Атос, аккуратно, по миллиметру открыл дверь и охренел. На постели, раскидав по сторонам руки и ноги, громко храпя, попердывая и пуская слюни, спала она – его избранница, его чаровница. Из одежды, на мамзели были только, неопределенного цвета семейные труханы до колен. Его – Атоса личные, дедовские еще, древние, передаваемые из поколения в поколение труселямбы, не рассыпавшиеся в труху только потому, что их никогда не стирали.

Даа, в таком неожиданном виде, еще ни разу не доводилось видеть графу, свою возлюбленную. Дело в том, что спать супружница всегда ложилась в пеньюаре из плотного красного батиста, который надежно скрывал изъяны фигуры, прикрывая все тело, за исключением кистей рук и ступней ног. Ошалевший, от такого зрелища, пылко, любящий муж шагнул к жене

и одурел еще больше. На все плечо у милахи, была набита здоровенная, синего цвета татуха в виде цветка лилии. Что – бы, как – то оценить размер данного произведения – представьте наклочку ВДВ с огромным парашютом на плече десантника.

Авангардизм, авангардизмом, но меры приличия необходимо соблюдать, решил граф де Ла Фер и приказал слугам повесить расписную сволочь на первом, попавшемся дереве в саду. Однако, проворная бестия не стала ждать справедливого суда и опередив палачей, сиганула в окно второго этажа, приземлившись жопой на пышный куст роз и вскочив, как была в одних трусах, рванула на утек. И только ее и видели.

– Активнее думать надо, – неожиданно рявкнул Братуля и долбанул кулаком по столу.

Граф де Ла Фер, проснувшись и подпрыгнув от неожиданности прокричал:

– Qui est ici? – или:

– Кто здесь?

Над ним дружно, без злости посмеялись и стали размышлять и накидывать варианты возвращения блудных сыновей во Францию.

– Может в ящиках из – под апельсинов? – вспомнил свое легендарное, детское путешествие Арамис.

– Лесами, лесами нужно или через Аляску, – предложил, слегка тупорылый Мишка.

– Хорош ахинею нести, – взял слово Братуля.

– Какими лесами, какая Аляска? Ты не проспался что – ли? Где Париж и где Аляска. Молчи уж балабол. Тащи карту лучше, сейчас мы такой трафик намалюем, через неделю дома будут.

Мишаня сбегал куда – то на верх и вернулся держа в руках небольшой сверток. В грубую ткань, был завернут кусок карты, неведома как, оказавшийся в руках предприимчивых родственников. Карта была датирована 1551 годом. Формат документа, конечно оставлял желать лучшего. Однако, как говорится – чем богаты, тем и рады. Справа, клочок карты обрывался на Казанском каганате, по – верху виднелись Швеция с Норвегией, левый край заканчивался Парижем, а нижняя часть карты, обильно залитая засохшей кровью, значения не имела абсолютно никакого.

Разложили карту на столе. Сгрудились над ней всем миром.

– Вот, ладно карта в наличии имеется. Спасибо деду нашему! – приоткрыл завесу тайны появления в доме документа, старший брат Семенов.

– Ох и занятный персонаж был Кузьма Иванович, прародитель наш. Как на охоту уйдет, так что – б без добычи вернулся, да не в жизнь. Вот и карта эта, любопытно очутилась у него. Позавтракал плотно, как – то Кузьма, Иванов сын и ушел охотиться. Неделю – ни одной поклевки. Как – будто зверье все вымерло нарочно. Но, на девятый день удача улыбнулась нашему браконьеру во все тридцать два зуба. Повстречались ему, два заблудших, вполне себе богато одетых гражданина. Увидев охотника, очень обрадовались они и попросили вывести их из леса хоть куда – нибудь. Охотник, встрече был рад не меньше. Однако, поскольку дело было уже под вечер, дед Кузьма стал готовиться к ночевке. Развели костер, отужинали и легли спать, что –бы поутру, да со свежими силами выбраться на свет белый из тущоб лесных. Кузьма Иванович дождался, пока измученные лесным скитанием путники предались общению с Морфеем, да и уколошил обоих. Зазрения совести, он не испытывал, так – как человек был не злобный, но прижимистый, жадный до невозможности – за лишнюю копеечку, мог отца родного удавить. Что уж говорить, о впервые встреченных бедолагах. Профессионально прошвырнувшись по карманчикам, отправленных им к праотцам путников, много чего полезного нашел дед. В том числе и обрывок карты, которая теперь, вам друзья – мушкетеры службу добрую окажет, – закончил Братуля.

– Итак, мы здесь, – он ткнул в точку на карте рядом с Новгородом.

– Оказаться нужно тут, – палец уперся в Париж.

– Какие мысли будут друзья мои? – Четырнадцать пар глаз мысленно прочертили виртуальную прямую соединяющую Русский и Французский города.

Проходила она, через княжество Литовское и королевство Польское, не объединенных еще в Речь Посполитую, затрагивала Тевтонский орден и королевство Чешское, Саксонию и Силезию, а так – же Священную Римскую империю.

– Н – да, не вариант, – прервал мысленную, географическую экскурсию, матерый старший брат, обращаясь скорее всего к самому себе.

– Не вариант говорю – теперь, уже к собравшимся обратился он.

– Пару лет скакать будут, если в пути не прихлопнет кто. Одни Тевтонцы чего стоят. А шляхи? А римляны каковы? Нет не вариант.

– Может через Ладогу и дальше морем, однозначно быстрее выйдет, – предложил Тишка.

– А что, может и так, – поддержал Братуля.

– Таак Ладога, – повел он пальцем по карте, – дальше по Балтийскому морю и до.. склонившись над документом, пытался прочесть, очень мелко начертанное название портового городка. – До Любека. Затею, – палец пришел в движение, еще чуточку сместившись влево по карте,

– Кельн, Трир.

– Дальше идем, – перст сдвинулся левее и ниже, – мы во Франции, Реймс, через провинцию Шампань и мы в Париже, – хлопнул ладонью по карте довольный Братуля, подводя итог потенциальному странствию.

– Воот. Одна голова хорошо, а ... – Кроха оглядел, стоявших за столом, дебиловато улыбающихся, людей, – а одна умная голова лучше, – довольный, своим остроумием закончил он.

– Надобно затвердить наш географический маршрут. – Как из воздуха рядом с картой материализовался пузырь с самогонкой.

– Медовуху выжрали всю, – объяснил выбор спиртного напитка Мишка.

Следует заметить, что в карте вин у Семеновых, особого разнообразия отродясь не было – присутствовал первач, разной закваски и степени крепости, начиная от сорока и заканчивая восьмьюдесятью градусами, а так – же медовуха, которую употребляли исключительно по праздничным дням, который накануне и приключился.

– Сами же говорили, что самогон не получился, – озабочился беспокойный Арамис. – Тишка то вон, махнувши его, облика человеческого лишился, сами же рассказывали, – никак не унимался перепугавшийся не на шутку, от перспективы ближайшего одурения и возможного прорыва нижнего клапана, мушкетер.

Атос с Портосом и Д'Артаньяном безразлично слушали непонятную речь и подолами камзолов протирали пустые еще чарки, понимая и принимая, дальнейшее развитие событий.

– Да что ты заладил – сами, сами. Пить то все равно больше нечего, -резонно утихомирил паникера, разливая по кружкам напиток Братуля.

– За план! – кротко, впрочем как и всегда тостонул он.

Три брата направили напиток экстра – класса в луженые глотки. Мушкетеры переглядывались, ожидая, кто из них первый решится опробовать первача.

– Аaaa oui, tout est allé dans le cul, – заорал решительный гасконец, что с французского переводится как:

– Да пошло все в задницу, – и опрокинул содержимое своего кубка, после чего, чуть не упал со скамьи. У него сразу отшибло дыхание, словно кто – то звезданул под ложечку кулаком. Ничего не видя перед собой, он стал шарить по столу руками, пытаясь наткнуться на какую – нибудь соленость. Под руку попался, крупный, сморщенный как куриная жопа, после пинка, огурец. Д'Артаньян, помогая себе другой рукой, запихал его в рот, проглотил, не жуя и только после этого выдохнул:

– *Presque mort visage dans le cul*, – что в переводе, звучит как:

– Чуть не сдох, лицо в заднице, – прошептал, чуждое для русских мужиков, ругательство француз.

Троица мушкетеров, видя как скрутило в спазме их юного друга, предприняла попытку отставить емкости со спиртосодержащим напитком, однако беспощадный Братуля, не терпящим послушания тоном порекомендовал:

– Надо ребята, надо. Первая тяжело, вторая как по маслу.

– Эх, несись душа в рай, а ноги в поле, – Арамис, заранее вооружившись соленым помидорчиком, опустошил свой стакан. Лишь только первачок поступил в ротовую полость, как туда – же отправился здоровенный помидор, забивший рот до предела и раздавленный зубами. Лицо будущего аббата нужно было видеть. Зенки на выкате. Из пасти – словно у вурдалака вытекает самогон, перемешанный с помидором и стекающий по подбородку на рубаху и штаны. Зрелище не для слабонервных.

Атоса вырвало. Портос, как зачарованный, поочередно смотрел на своих друзей и любовался их обликом, внешним и внутренним. За невзрачным внешним видом, облеванного графа де Ла Фер, Арамиса с полной, протекающей хлебoreзкой, не оставляющего попытки проглотить помидоро – алкогольную смесь и Д’Артаньяна, хватающего воздух ртом как рыба, скрывались благороднейшие дворяне, светлейшие умы своего поколения, лучшие сыны Франции и опора короля Людовика.

– Как прекрасен этот мир, – подумал великан и заставил себя употребить напиток. Готовый к самому худшему, мушкетер постарался не выдать своими нечаянными эмоциями, всей гаммы чувств, настигших враз, его тренированный, французскими винами организм. Он резко покраснел, весь напрягся, икнул, расслабился и громко испортил воздух. Брови его изогнулись домиком.

– Вот и чудненько, а теперь пошли в баню душу отмывать, – пригласил всех, проследовать за ним, с целью приведения в порядок души и тела, любитель ЗОЖ – Братуля.

Глава 10. Ирония судьбы, или С легким паром!

Банный комплекс располагался в минуте ходьбы от его избы. Вся компания вышла из дому. Замыкающий – Тихон, нес пяти – литровый пузырек мутного зелья.

– Что – то подозрительно тихо, – насторожился Братуля.

– Истопников наших не слышать.

И вправду стояла полнейшая тишина. Не было слышно ни удовлетворенного кряхтения, лущуемого веничками по спине и другим, не менее важным частям человеческого тела, ни звуков шипения камней, от поливаемой на них воды, ни ругани от случайного прикосновения к раскаленной стене. В общем, не было слышно абсолютно ни – че – го. Полнейшая тишина.

– Не к добру, – поделился неприятными соображениями Кроха, открывая внешнюю дверь. Пахнуло жаром. Прошли в предбанник, дышать стало практически невыносимо. Бахтияр с Гришкой не было и здесь.

– Куда же эти гаврики подевались, одежда то их вот, – указал на ворох грязного, с душком, шмотья сообразительный Мишаня.

Обнаружили, исчезнувших братьев в парилке, ужравшимися в дупель. Цвета они были красного, как раки, мирно спали валетом. Бахтияр, сладко сопел на верхней полке, Гришка – полкой ниже. Совершенно непотребный вид их объяснял, валяющийся на полу пустой, пятилитровый фанфурик из – под самогона.

– Глянь, как быстро ребят развезло то на жаре, – завидующе молвил Братуля.

– Давайте – ка вынесем бедолаг на улицу.

Два распаренных тела вынесли и бросили на землю остывать. Вернулись в баню. Тишка, уже разливал самогон по посудам.

– В бане мыться, заново родиться, – Братуля был в своем репертуаре, отметившись очередной мудростью и накатив стакан первача. Братья проделали ту – же процедуру. Остальные члены концессии нерешительно мялись. Роль переговорщика, между французами и русскими взвалил на себя Арамис.

– Насколько мне знакома история русской бани, в ней же надо пропотеть, попариться, посидеть, отпыхнуть, испить кваску и по новой в парную. А ежели, мы сейчас все уьемся, в чем же смысл сия действия проявится?

Частично согласный с французом Братуля, предложил разумный компромисс:

– Ну, значит так, тому и быть, допивайте разлитое, что его в руках – то греть и айда париться.

Понимая, что путь к парной лежит через преодоление себя, в виде чарки с самогоном и переубедить русских банщиков не представляется возможным, Арамис, обратился к друзьям мушкетерам:

– Надо пить. Иначе так и будем грязные да чумазные. Давайте господа, друженько. Давайте.

Лидерский потенциал решил проявить ответственный Атос.

– Надо, так надо, – с размаху поднес напиток ко рту, в нос ударил запах сивухи и его стошнило на находившихся рядом Портоса и Арамиса. Более молодой и ловкий Д'Артаньян успел отскочить в сторону.

– Да Вы так сударь весь желудок выблюете. Раз четвертый за день фонтанируете на людях, – недовольно проворчал он.

– Поберегли бы себя для подвигов ратных. В чем интерес подохнуть в рвотных конвульсиях.

И действительно, судороги тошноты, как эмбриона скрутили благородного графа, не отпуская ни на секунду, и не давая тому выпрямиться и достойно представлять Францию

на международной арене. Потуги нормализовать ситуацию ни к чему положительному не приводили. Пока все не загадил, несостоявшегося лидера поджопниками, вытолкали вон из бани, к Бахтияру и Гришане -освежаться.

Три оставшихся мушкетера, с грехом пополам затолкали в себя вонючий напиток, который настойчиво просился обратно. Что – бы не допустить неприятности, подданные короля Людовика XIII, упорно молчали, предпочитая не открывать рот – как возможный выход зелья обратно, наружу. Выглядело это действие весьма презабавно.

Кстати, раз уж мы упомянули короля Франции, давайте вспомним, что на момент, описанный в нашем повествовании, было ему двадцать семь лет отроду. С рождения, маленький Луи страдал от множества болезней. Хроническим воспалением лёгких, припадками, похожими на эпилепсию, мигренью и невыносимым зудом кожи.

Будущий король, постоянно ерзал на месте, чесался в самых нескромных местах, отчего регулярно нервничал, а разнервничавшись начинал заикаться и громко, безостановочно икать. В результате нервных срывов, монарх частенько совершал необдуманные поступки, которые, впрочем приводили к весьма неожиданным историческим результатам. Так однажды, король отловил во дворце нескольких лакеев и побрил их. Сделал смешные, но весьма элегантные треугольные бородки, которые сразу – же вошли в моду. Именно такие щегольские бородки и носили практически все военные люди и придворные господа во Франции.

Людовик XIII ежедневно занимался спортом. Играл в мяч, недурно фехтовал, хорошо стрелял.

Что представляла из себя игра в мяч. Это был некий, отдаленный аналог современного регби. В спортивном состязании могло принять участие неограниченное число участников. Они делились на две команды. Задачей атакующей команды, было доставить мяч, размером с огромный арбуз, из своей зоны в зону соперников. Хочешь – пасуйся, хочешь – сам беги вперед. Задачей обороняющейся команды, было недопустить попадания мяча на свою территорию. Вот и все правила. Поскольку деление на команды происходило в произвольной форме, зачастую получалось так, что в одной команде собиралось человек пятнадцать друзей. Против них действовал коллектив, составленный, с грехом пополам из трех, четырех спортсменов. Конечно же матч превращался в форменное избиение.

Итак, продолжим небольшой рассказ о спортивном становлении короля Франции. Обучение игре в мяч проходило, как правило безболезненно и для монаршей особы и для окружающих, поскольку самой распространенной травмой были – сломанные ребра и носы, плюс бонусом шли выбитые зубы и челюсти. Что в принципе, можно было считать детскими шалостями. Чего не скажешь о других популярных видах спорта. Тренировочный процесс по стрельбе и фехтованию поначалу, в силу неопытности обучаемого, представлял из себя весьма опасное и рискованное мероприятие. Частенько, в силу получения инвалидности той или иной степени, менялись наставники. Похоронные процессии тренерского состава, проходили одна за другой и случались с завидным постоянством. Однако, с каждым новым учителем, мастерство короля улучшалось и предав земле порядка тридцати инструкторов, Людовик XIII мог считать себя лучшим из лучших, серьезным профессионалом и знатным мокроделом. Так, что в случае отлучения от трона, без высокооплачиваемой работы не остался бы.

Итак, возвращаемся к нашим ба..нщикам.

Все, ровно стоящие на ногах, разделись, сложили одежду в предбаннике и прошли в альма матер бани – парилку. Братуля, в тумане жара, согласно одному ему известному рейтингу, рассадил братьев по верхним полкам, а французов на пол. После чего, поддал из ковша на камни ароматную, разбавленную квасом воду. Русские мужики довольно хмыкнули, развалившись поудобнее. Французы хмыкнули тоже и от невыносимого жара, плюхнулись на пол, хватая ртом раскаленный, горячий воздух. Повисла банная пауза. Первым, неминуемо грозящую опасность, просек смысленый Д'Артаньян и попытался под прикрытием дымовой завесы, полз-

ком покинуть парилку. Предусмотрительный Братуля, наперед знал все ходы, и рассекретив замысел иноземца, преградил тому путь к свободе и свежему воздуху соответственно, закрыв выход широкой спиной своей. Затем, Кроха взял в обе руки по венику и совершая маховые движения, стал разгонять горячий воздух по помещению, нагоняя температуру и жути, при этом приговаривая:

– Что русскому хорошо – французу смерть, шас парить вас буду, эх лепотаа! А ну – ка еще парку поддадим, – с этими словами он весьма довольный на морду, выплеснул на раскаленные камни очередной ковш водно – квасного раствора.

Разомлевшие братья, со своих мест одобрительно смотрели за происходящим. Сыны Франции скрючились у спасительного выхода. Братуля еще поддал парку. Массивный Портос упал в обморок. Арамис, увидевший в недееспособности великана путь к спасению, истерично вопя, предложил вынести грузное тело, на пару с молодым гасконцем. Получив молчаливое одобрение, стали поднимать Портоса и вторым окачурился Д'Артаньян. Видно, физические упражнения на жарком воздухе, не входили в круг его любимых занятий. Как ози-мый опал он рядом с нетранспортабельным другом своим. Ситуация становилась критической. Два полудохлых иностранца на полу парной и один, измученный рвотными припадками сна-ружи, уже пахивали международным скандалом и разрывом всех дипломатических согла-шений. Быстро смекнувший, что к чему, старший брат велел средним, вытащить задохликов на улицу и подлечить по возможности. Хитрый Арамис, воспользовавшись небольшой суетой, из последних сил проскользнул в приоткрытую дверь и теряя ориентацию вместе с волей, рухнул в манящем свободой предбаннике. Уже находясь в полуобморочном состоянии, как в тумане, видел он, что Мишка и Тишка, перешагивая через него, выносят тела, геройски пав-ших товарищей на спасительный свежий воздух. Потом, очередь дошла и до него.

– Знатно попарились блин, с легким паром! – мелькнула мысль и унеслась вместе с созна-нием.

Оставшиеся в строю Братуля, Михаил и Тихон, махнув по чарке, принялись оказывать первую медицинскую помощь пострадавшим. Помощь разнообразием не отличалась и на все случаи жизни заключалась в следующем – принесенной из колодца ледяной водой, окатили шесть тел. Почему шесть? Потому, что граф де Ла Фер выглядел не лучше напарившихся люби-телей русской бани и больше напоминал труп чем «*Nomo sapiens*», то – есть человека разум-ного.

Обдали водой и стали ждать возвращения к жизни спасенных непутей. Те, как будто спе-циально оживать не торопились, дабы не оказаться вовлеченными в очередную мутную аван-тюру.

Тем не менее, в себя возвращались примерно в одно время, с одинаково поганым настрое-нием и тяжелым состоянием души и тела. В том смысле, что душа держалась на тонкой ниточке а тело не слушалось совершенно.

– Нет, такой натюрморт нам не нужен, – кивнув на уставших от активного отдыха, жите-лей Парижа, сказал загадочно обращаясь к родственникам Братуля. Будем лечить. Бахтияр с Гришкой, уже частично пришли в себя и готовы были участвовать в очередных алкогольных свершениях, наравне с другими братьями.

– *Pas. Assez. Pas besoin. Je ne peux plus. Je suis jeune. Je veux vivre. Mieux vaut tuer immédiatement*, – поняв о чем договариваются между собой родственники, взмолился Д'Арта-ньян, что дословно переводится как:

– Нет. Хватит. Не нужно. Я больше не могу. Я молодой. Я хочу жить. Лучше сразу убейте, – произнеся, эту полную душевной травмы фразу, надежда Гаскони беззвучно запла-кал, сев и уперев лицо в колени. Плечи его мелко подрагивали. Почти сразу, будто вспомнив что – то очень важное, он вскочил на ноги и с перекошенным от злости лицом бросился к Ара-мису:

– Переводи гад, переводи этим варварам что я сказал. Я не хочу подохнуть здесь от их самопального пойла. Мне невыносима их баня с их дурацкими играми на воздухе. Я не создан для жизни в России. Это все не для меня. Не мое. Это все, выше моих сил. Я хочу домой, хочу снова совершать безрассудные, славные поступки, спасти королеву, драться с гвардейцами кардинала, ездить по дружбе к Бэккингему за алмазными подвесками, – с этими словами, в чем был, молодой человек резко развернулся и рванул со всех ног в сторону леса. А был он ни в чем. Как говорится с голым задом.

– Un pour tous et tous pour un – что означает:

– Один за всех и все за одного, – орал он, убегая.

– Довели человека, – с укором сказал Арамис, обращаясь к Братуле.

– Где теперь его искать то?

Тот в ответ, оглаживая свою кустистую бороду, молвил такие речи:

– А что его искать то? Набегается, да вернется марафонец ваш. Силенок все равно надолго не хватит. Совсем слабенький. Да и куда ему бежать? Там река, тут овраг непроходимый. В лес? Дак там зверье дикое, да пчелы неправильные. Главное, что – бы в капканы да силки не угодил по дури. А так, не бойсь интуист, все обойдется.

Не обошлось.

Глава 11. Если друг оказался вдруг...

Дикий крик, переходящий в завывание, похожий то – ли на рев медведя, то – ли на визг кота, которому наступили на яйца, прервал мирное течение беседы.

– Кажись отбегался, пердошлеп, – предположил Мишаня, прислушиваясь к кокофонии, доносящихся из леса звуков.

– *Aidez-moi, aidez-moi*, – едва слышны были вопли одуревшего, на местных напитках гасконца. Буквально этот крик души означал:

– Помогите, помогите, – звучали сигналы бедствия.

Наспех одевшись, взяв из спасательных средств вилы и топоры, поисковики отправились на выручку чумного друга. Долго искать не пришлось. Как будто сжалившись над уставшими друзьями, молодой отрок долго не плутал, сразу попав в засаду. Едва зайдя в лес, спасательная экспедиция лицезрела следующую нештатную ситуацию. Черепушкой вниз, висел пойманный в ловушку Д'Артаньян. На уровне примерно метра над землей, дергалась его голова, а болтался он, подвешенный за одну ногу к могучей ветви дуба, на мощной корабельной веревке.

– Моя работа! – раскачивая извивающуюся жертву охоты, гордо молвил Гришаня и продолжил:

– Эх, медведя хотел поймать, а попалось это вот, – он сильнее раскачал веревку.

– Ну ты брат учудил, – рассмеялся Мишаня.

– Кто же так медведя нейтрализует? Нужно вот что делать.

– А ничего, что он замолк и похоже сознание потерял, – тыча в Д'Артаньяна, прервал братьев Арамис.

– Совесть он, гад потерял и голос пока орал, – нашел, что сказать в ответ Тишка.

– Как снимать баламута будем? – вклинился в беседу Братуля и размахнувшись запустил топор вверх, пробуя перебить веревку в месте ее соединения с веткой дерева.

Остальные братья, как по команде, последовали примеру старшего. Топоры замелькали над головами, только успевай уворачиваться. Забава доставляла им неподдельную радость и нечеловеческое удовольствие.

– А ну, кто первый попадет, тому с меня литр первача, – мотивировал на победу родственников Кроха.

Пятеро взрослых мужиков, с видом одухотворенных дебилов, стали с удвоенной энергией пытаться добиться цели. Не всегда рубящее оружие летело в цель. Периодически, случались трагические промахи. Рабочее лезвие топора, с завидной регулярностью, оставляло глубокие засечки, то левее веревки – ближе к концу ветки, то правее, ближе к стволу дуба. Очень скоро часть ветки, расположенной правее стала превращаться в труху.

– *Quels idiots. De vrais crétins* (Какие идиоты, настоящие кретины), -прошептал беззвучно Портос, который прятался за стволом крепкого, необъятного дуба, растущего метрах в трех от места основного действия.

Весь этот шабаш не мог продолжаться бесконечно. Наконец, после очередного неточного броска Бахтияра, ну как не точного – не попал он по веревке, а по ветке то залепил знатно, сук с оглушительным треском надломился и гасконец морковкой свалился на грешную землю, едва не сломав себе шею.

– Был бы трезвым, все почитай кирдык был бы, – констатировал чудесное спасение мушкетера Братуля и продолжил:

– Уезжать вам побыстрее ребятушки нужно, пока не передохли все здесь. Похоже, не милостива к вам земля русская, или нагрели где то в этой жизни столько, что мама не горюй.

– Qu'est-ce qu'il dit, traduire l'abbé inachevé (Что, что он говорит, переводы давай аббат недоделанный) – обратился, нервно дергающий глазом и взволнованный, всем происходящим с ними, Атос к Арамису.

Тот, парой фраз объяснил друзьям – мушкетерам, что по мнению русских, все происходящее здесь и сейчас с французами, не что иное, как воля проведения и знак судьбы, похоже совсем неблагоприятной к ним – иностранцам.

– Je vais te tuer, espèce de bipède. c'est vous qui mettez vos expériences sur nous. Le jeu est un jeu de puzzle très intéressant. (Убью тебя скотина двуногая. Это вы на нас опыты свои, непотребные ставите. То пойло подсуетите несъедобное, то игры безумные), – похоже, выблевавший вместе с желудком и часть мозга, впавший в состояние берсерка граф де Ла Фер, кинулся на Братулю.

Тот легонько, без злости, понимая печальное, душевное состояние приезжих гостей, рефлекторно – на автомате выбросил вперед левую руку. Джеб достиг цели, граф лег.

– Нервный он последнее время, – попытался оправдать Арамис, неадекватные действия товарища.

– Сейчас немножко полежит, в себя придет и пойдем за грибами.

– За какими грибами? – испытывающе уставился на Арамиса, Мишаня, подозревая, что тот малость того, ну спятил слегка.

– За белыми, – как ни в чем ни бывало продолжил мушкетер.

– Михаил отошел к своему старшему брату и стараясь не глядеть на заговаривающегося француза изрек:

– Кажись все. Умом поехал. Бред несет какой – то. За грибами собрался, за белыми. Интересно, где это он в июле белых насобирать решил?

– А где жирный? Ну боров этот, четвертый француз то? – всполошился Тишка.

– Где – то здесь был, по любому далеко уйти не мог, – поддержал разговор Григорий.

– Пошли искать горемыку, вот напасть на нашу голову, иностранцы эти взялись, – Братуля обозначил сектор поисков.

Но, прежде, чем идти искать Портоса, Арамису легонько, без фанатизма, дали сзади по башке обухом топора, исключительно в целях его же безопасности, и что – бы мушкетеры не разбежались кто – куда, его, вместе с Атосом и Д'Артаньяном веревкой привязали к дереву. Что – бы с дуру не орали, привлекая различную живность, малую и не очень, рты мушкетерам заткнули кляпами.

Тот, кого гостеприимные хозяева пошли искать, наблюдал за всем происходящим из кустов, расположенных в нескольких метрах от эпицентра разворачивающихся событий.

Когда гасконец, чудесным образом был спасен, Портос уже собирался было выйти из своего укрытия, но какой – то внутренний голос заставил его не торопиться с выводами и сидеть на пятой точке ровно. И, что немаловажно – тихо.

И вот сейчас он, трясущийся как паралитик, не то от страха, не то от алкогольной интоксикации вперемежку с выхлопом, после долбанной парилки, ничего не понимающий из разговорной речи русских, видел, как сначала вырубил Атоса, а потом пришла очередь и Арамиса. Таким образом, все три его друга были обездвижены и примотанные к дубу, не подавали признаков жизни. И без того не шибко гениальный мозг Портоса, так еще и измученный двухдневным, беспробудным пьянством и почти смертоносной баней, рисовал в воображении картины, одна страшнее другой. Вырисовывалось пренеприятнейшее и бесперспективное ближайшее будущее. Похоже, братья эти, вовсе и не друзья им – мушкетерам. Все происходящее – не что иное, как какой – то недобрый замысел. Специально опоили их, намыли в бане и может даже сейчас пустят на органы. Или съедят. В детстве, маленький Портосик слушал на ночь от бабушки сказки про людоедов и понимал о чем речь.

Осторожный гигант, решил обождать малость, пока переговаривающиеся между собой братья, уйдут подальше.

– Бежать, бежать куда глаза глядят, – единственная мысль пронзала мозг. Он уже находился на низком старте и собрался было дать по тапкам, когда неожиданно проснувшись, никогда до сего дня не дававшая о себе знать совесть, проявила себя вопросом – а как же друзья?

– Точно друзья, – хлопнул себя ладонью по лбу мушкетер. С другой стороны – шли бы они в жопу эти друзья, своя рубашка ближе к телу. Подумав так, крепко рванул в сторону, противоположную той, куда удалились братья – поисковики. Пробежал метров пятьдесят и остановился. Думки, одна хуже другой, крутились в голове:

– Совсем один. В незнакомой местности. Не зная дороги. Долго ли он протянет в однеху – то? Нет. Нужно спасать этих. Без них – край. Внимательно осмотревшись по сторонам и не заметив ничего подозрительного, мыслитель упал на землю и по змеиному извиваясь пополз к дереву с заложниками. Те, уже очнувшись и дружно мычали заткнутыми ртами. Прежде, чем вытащить залушки из уст пленников, Портос, молча заглянул каждому в глаза, проверяя степень идиотизма, не врожденного, а полученного в результате активного пребывания на чужбине. Ничего толкового zenки друзей не выражали, но и полного дебилизма в них не читалось.

– Клиент, скорее жив, чем мертв, – мелькнуло в голове спасателя. Отвязывая мушкетеров, он параллельно, что – бы не терять драгоценного времени, обрисовал свое видение создавшегося положения и план побега с территории предполагаемого противника. На удивление, никто не спорил с гигантом. Затвердили решение о побеге, как всегда своим мушкетерским обрядом, прикоснувшись правой граблей к левой клешне. Когда и благодаря кому прилип к компании этот своеобразный, незамысловатый жест, для чего он и зачем регулярно, из раза в раз тратить на него время, никто объяснить не мог. Правда, как – то в прошлом году, во время недельного запоя, кажется дело случилось в гостинице «Сосновая шишка», что расположена на холме св. Женевьевы в Париже и известна не только шикарной кухней, но и винами, находясь в хмельном угаре, стали вспоминать, кто первый изобразил сию комбинацию. Тогда их компания, а кажется с ними был и их непосредственный командир и идейный вдохновитель Жан-Арман дю Пейре, граф де Тревиль капитан-лейтенант французских королевских мушкетёров, облюбовала третий этаж этого питейного заведения.

Де Тревиль нрава был буйного, авторитетов никаких не признавал и если уж начал пить, то остановить его в этом деле, было совершенно невозможно. Полный отморозок. Такими – же оторвами как их вожак были и мушкетеры. Но вернемся к «Сосновой шишке». Компания, под руководством такой деятельной натуры как капитан -лейтенант, по определению не могла себя вести образцово -показательно, играя в шахматы или занимаясь ловлей бабочек, ну и конечно проявлялась совершенно в дурном свете, вела себя шумно, на замечания реагировала незамедлительным обнажением шпаг и к четвертому дню надоела всем постояльцам гостиницы, хуже горькой редьки. Вот вечером четвертого дня и произошел исторический, где – то даже курьезный эпизод. Как всегда, начав пить ранним утром, к вечеру вся компания представляла из себя аморфную, агрессивно настроенную массу. Жан-Арман дю Пейре, граф де Тревиль, терзаемый желанием справить малую физиологическую потребность, но не имея ни сил, ни желания спускаться вниз на улицу, открыл окно и с подоконника третьего этажа истошно выкрикивая:

– Бургундия, Нормандия, Шампань или Прованс, опорожнился прямо на головы проходящих мимо беспечных парижан. Следуя примеру командира, ту же процедуру проделали подчиненные, через что и случился очередной конфликт, который в зародыше удалось погасить доброй дракой и семью трупами мирных горожан, перенесенных в подвал и там оставленных смердиться. Однако про жест. Закончив процедуру облегчения, де Тревиль не слезая с подокон-

ника, предпринял попытку засунуть свои чресла в штаны, но в хмельном угаре промахнулся, схватив правой рукой – левую. Увидевший это Атос, думая, что это какой – то тайный знак для них, повторил его. То – же проделали три остальных друга. Так и завелось. После описываемого вечера, четверка мушкетеров в полусознательном состоянии убыла на службу его величества короля.

А де Тревиль самозабвенно пил еще неделю. Он забаррикадировался на третьем этаже, так полюбившегося здания, угрожая спалить все заведение, если его не будут поить и кормить хотя – бы пять раз на дню. Все попытки группы захвата, в лице хозяина гостиницы и его совершеннолетних сыновей взять террориста силой, или хитростью выкурить старого вояку, безуспешно провалились. Переговорщик, он же повар, гостиницы, потерпев фиаско тоже был позорно спущен с лестницы. Диалог зашел в тупик. Поскольку, самовольно уединившийся капитан, не желал покидать питейного заведения, все интересные события, в помещении этом и случились. В тот памятный день, предводитель мушкетеров, продолжающий алкомарафонский забег, как и в предыдущие дни одиннадцать, двенадцать пробудился рано. Уже давно, потерявший ориентацию в пространстве и временном измерении он, не считаясь с режимом отдыхающих гостей, начал восхвалять в пошлых, громких песнях величие мушкетеров и его величества короля. Петь де Тревиль не умел, но любил. Поэтому получалось не ахти как здорово. Людям не нравилось, как он, совершенно не музыкально орет в семь утра:

- Если сам вам шпаги дал,
- Как могу остановить я
- В грудь влетающий металл,
- Кровопролитье, кровопролитье?

Остальные слова музыкальной композиции как – то выпали из головы солиста, поэтому на протяжении нескольких часов, парижане и гости столицы вынуждены были терпеть из раза в раз повторяющееся:

- Если сам вам шпаги дал,
- Как могу остановить я
- В грудь влетающий металл,
- Кровопролитье, кровопролитье?

Ругались не только туристы из гостиницы, но и слоняющиеся по улице зеваки. Перепадка между представителем военного крыла, его величества Людовика XIII и горожанами стала предвестником события, которое на несколько месяцев парализовало размеренный ритм жизни Парижа. Слыша проклятья, доносящиеся с улицы, убаханный в хлам де Тревиль, решил немедленно покарать, музыкальных критиков, не сумевших по достоинству оценить его талант. Решительно вскочив на ставший родным подоконник, Жан-Арман дю Пейре не менее решительно сдернул портки, тщательно прицелился и издавая иезуитский смех, больше напоминающий блеяние осла, начал совершать, ежедневно и не раз, повторяющуюся процедуру облегчения на головы гражданского населения, показывая всем свои, давно не чищенные причиндалы. Однако, в тот день, что – то пошло не так, именитый дебошир поскользнулся и выпал из окна, сломав обе руки, два ребра и разбил свою дурную башку, на радость владельца и всех постояльцев заведения. Долго еще его, с упоением и не без доли фанатизма пинала озлобленная толпа, после чего на полное выздоровление ушло пара месяцев. Месяцы лечения де Тревиля дорого дались парижанам. Ох и несладко пришлось им.

Лишенная командира, предоставленная сама себе, банда мушкетеров, восхваляющая только питье и битье, разлилась по городу в поисках приключений. Брошенные, фактически на произвол, храбрые воины лупили всех, кто попадался под руку, бесчинствовали, пиратствовали, мародерствовали и вели разгульный образ жизни. Пугали и грабили граждан, дрались на каждом углу и при любом удобном случае. Били стекла гостиниц и таверн. Здесь и там раздавалось:

– Один за всех.

В ответ слышалось нечленораздельное мычание:

– И все за одного.

Вдохновляемые примером руководства, справляли нужду и малую и большую, там где приспичило. Город стремительно пустел и превращался в большую помойку. Антисанитария зашкаливала. Был объявлен комендантский час, введено чрезвычайное положение. На пустынных улицах появились многочисленные патрули гвардейцев кардинала, усиленные бойцами Швейцарской гвардии. Ненависть мушкетеров короля к гвардейцам кардинала была всем известна. И рождена она была не на ровном месте – после нескольких попыток покушений на кардинала, король настоял, чтобы у Ришелье появилась своя личная охрана. Со временем, она разрослась до целого полка. И сегодня все, кто там служит, известны как «гвардейцы кардинала». Причем жалование гвардейцам, Ришелье платил из собственных средств и всегда вовремя, к огромной зависти мушкетёров, которым зарплату часто задерживали. Это не способствовало сближению враждующих и противостояние мушкетеров с гвардейцами вошло в новую, жесточайшую фазу. Измотанные драками и всякой другой непотребщиной, дезориентированные и максимально ослабленные выпивкой мушкетеры, нехотя начинали сдавать позиции. Их отлавливали по одному и небольшими стайками, как бродячих, бездомных псов, для приличия немного пинали, били морды и уносили на допрос к Его Высокопреосвященству господину кардиналу. После допроса, их еще немного пинали и транзитом через лекаря – ветеринара доставляли в тюрьму. Таким образом, на момент выздоровления своего капитана, часть из мушкетеров была убита или покалечена в драках, другие скучали в Бастилии, третьи лежали в лазарете, недобитые своими и чужими. Оставшееся в строю мушкетерское братство, представляло из себя жалкое стадо свиней, грязных, вонючих и ободранных. Всех оставшихся в живых подвергли обструкции и под чистую демобилизовали, а под знамена короля, рекрутировали новых, доблестных защитников правящего режима. Четверку наших друзей, спасло то обстоятельство, что все они, обожравшись непрожаренных голубей, находились на излечении, фонтанируя низом и верхом по пять раз на дню и вынуждены были пропустить все это веселое, авантюрное действо, творившееся на улицах Парижа. И в силу состояния здоровья, точнее полного его отсутствия, ничем не могли помочь своим, теперь уже бывшим, куражным однополчанам. О чем, впоследствии ни разу не пожалели, продолжая нести службу под руководством доблестного Жана-Армана дю Пейре, графа де Тревиля капитан – лейтенанта французских королевских мушкетёров, который как истинный офицер и опытный политик всю вину за произошедшее свалил на бывших своих подчиненных сослуживцев.

С самого приезда в Париж, Д'Артаньян не мог нахвалиться этим превосходным человеком, считая его всегда достойным уважения, честным и великим. Вспоминалась их первая встреча. Знаменательный диалог состоялся в приемной де Тревиля:

– Здрасте! Поклон Вам от папы.

– Какого ещё папы? Римского? Молодой человек, не морочьте мне голову.

– Я Д'Артаньян!

– А я де Тревиль и что дальше?

– Ну как же, разве Вы не помните ту историю у трактира «Рваная задница»?

– Послушайте, сударь, какая задница? Вы здоровы?

– Рваная, господин де Тревиль. Мой отец тогда спас Вашу честь мушкетёра.

– Что – то не припоминаю.

– Вы тогда с моим батей ушли в запой. Безвременный. Жрали спиртыгу, как в последний раз. А надо сказать, что Вы с ним были лучшими друзьями. Куда один – туда и другой. Так вот во время запоя, вы периодически делали вылазки из квартиры на улицу, с целью встретить гвардейца кардинала, дать ему в репу и быстро назад.

– Хм, и что же?

– Ну, как – то раз Вы выскочили на воздух один и нарвались на толпу, устроивших специально на Вас засаду гвардейцев. Вас стали месить. Люто. С песнями и плясками. Хорошо, что увидев врагов, Вы успели громко закричать с испугу. Родитель мой, услышав мольбы о помощи, без раздумий ринулся на выручку.

– И что, выручил?

– Нет. Рядом лег. Но, зато внимание гвардейцев пропорционально разделилось на двоих, так, что папенька принял на себя много ударов, изначально предназначавшихся по сути Вам одному.

– Нда. Очень увлекательная история. Так как Вы говорите Ваша фамилия?

– Д'Артаньян, сударь!

– И вы хотите стать мушкетёром?

– Ага!

– Похвально. Но, к сожалению, набор уже завершён. До свидания!

– Ну, может по знакомству. На взятку, извиняюсь, не богат – с.

– Молодой человек, не забываетесь! Ладно. В память о заслугах Вашего папы, я сегодня же напишу письмо начальнику Королевской академии, и с завтрашнего дня он примет Вас, не требуя никакой платы. Так как Вы говорите фамилия Ваша?

– Д'Артаньян, сударь!

– Все. Свободен.

– Вот спасибочки!

Глава 12. Куда глаза глядят

Итак, из приятных воспоминаний возвращаемся в суровую действительность.

Единогласно проголосовав за побег, но не имея времени на его подготовку, решили в доме взять свою одежду, топоры и бежать, куда глаза глядят, пока не вернулись коренные обитатели жилища.

– Надо бы еще карту взять, без нее никак. Она нам проводником в свободное и светлое будущее служить будет, – напомнил прозорливый Арамис.

Забегали в избу, наскоро оделись в раскиданные тут и там мушкетерские шмотки, подобрали нестиранный, пропитанный фекалиями гардероб Атоса, который обрядился в белую рубаху косоворотку и штаны – шаровары, похватили топоры, коих в доме было в избытке, и рванули подальше от этого ужасного места. Страх был столь велик, что про карту естественно забыли. Реку решили не преодолевать, в силу полного отсутствия навыка держания на воде. Лес, на ближайшем этапе, так – же сулил неизвестность, поскольку в него углубились местные поисковики. Поэтому, приняли решение ретироваться полем. Сказано – сделано. Рванули на полусогнутых к лугу, засеянному пшеницей. Колосющаяся в человеческий рост сельхозкультура, надежно скрыла бегунков.

– Пару часиков по полю, затем в лес уйдем, – на ходу прокричал друзьям будущий аббат.

Компания драпала, только ветер в ушах свистел. Первым несясь, отрываясь от грешной земли, летящий словно на крыльях ветра Арамис. За ним, стараясь не отставать гнал молодой гасконец. Массивный Портос, подгоняемый страхом, как ни странно, бежал, замыкая тройку призеров. Атос с вонючим узелком в правой руке, чуть отставал, похоже экономя силы и до поры до времени, не выкладываясь полностью.

План Арамиса был продуман до мелочей. Он понимал, что братья отшельники долго по лесу бродить не будут и вскоре вернутся в родную обитель. Поэтому, поле надежно спрячет мушкетеров на ближайшие пару часов, а затем углубившись в лесной массив, можно будет раздобыть какую – никакую еду.

А пока четверка стайеров, не то что – бы пыталась оторваться от погони, а просто неслась куда глаза глядят. Издалека, со стороны данная группа людей, объединенных одной общей целью, выглядела совершенно эпохально и дико. Пригибаясь, дабы не быть замеченными, по пшеничному полю, тяжело дыша, неслась троица в мушкетерских камзолах с топорами в руках. На раскрасневшихся лицах, обрамленных благообразными усами и треугольными бородками, разной длины, застыл непередаваемый ужас. Отставая, метров на десять, компанию с белыми крестами на голубых туниках, преследовал мужик в русском одеянии, с топором в одной руке и котомкой средних размеров в другой. Бежали в полной тишине, дабы не привлекать лишнего внимания и не тратить силушку на излишнюю болтовню. Спустя неопределенное количество времени, Портос начал сдавать. На первых порах, проявляя себя геройски, совершив столь продолжительный марш – бросок, сейчас он совершенно расклеился и тяжело дыша лежал, поскуливая, уткнувшись лицом в плодородную почву. Топор свой, гигант давно выбросил, дабы облегчить себе преодоление сложной и без того дистанции.

– Кабан наш похоже спекся, – съязвил будущий маршал Франции, обращаясь к склонившимся над грузным телом друзьям.

– Любезный, Вы готовы к продолжению путешествия? – с юморком спросил гасконец, в свою очередь нагибаясь и похлопывая Портоса по спине. Тот, продолжая тяжело, прерывисто дышать, совершил обильное газоиспускание, перевернулся с живота на спину и присел, хитро глядя на друзей.

А в это же время, чуть восточнее, от восстанавливающих силы мушкетеров, великолепная пятерка поисковиков Семеновых возвращалась домой, что называется не солоно хлебавши. И диалог меж братьями был примерно следующий:

– Эх жаль рыхлый не нашелся, веселый парень, скучно будет без него, – не стесняясь эмоций сожалел Бахтияр.

– Не сожрал бы кто. Знатный обед представляет из себя жирдяй. Медведям на пару дней может хватить, – ответил, блеща знаниями в медведологии Григорий.

– И убежать не убежит ведь ни от волка, ни от медведя, ни от кабанчика. Да ни от кого не убежит. Задницу отъел на казенных харчах во... – развел руки в стороны на метр Михаил, показывая какую задницу разъел Портос.

Так, неспешно беседуя, братья подошли к месту бывшего временного, надо сказать несколько насильственного содержания мушкетеров, то – есть к дереву с которым, в определенный промежуток времени, пленники и составляли единое целое, ну в смысле, были объединены посредством веревки. Подошли и застыли как истуканы безмолвные, наблюдая полное отсутствие на лобном месте, друзей французов.

– Вот те раз, – прошептал Бахтияр.

– Вот те два, – отвешивая подзатыльник младшему брату, вынес вердикт старший и добавил огня:

– Кто же так связывает – то, рукожоп ты несчастный. Всему вас учить нужно. Бражку, сутками напролет жрать, это завсегда пожалуйста, а как умение приложить, это из области чудес. Пропадут же на просторах наших безграничных. Неужели не жалко?

– Точно, сбежали собутыльнички, – подчеркнул очевидное Григорий, сбивая накал беседы, показывая на лежащую у ног веревку и почесывая затылочную кость.

– Ни спасибо тебе за гостеприимство, ни пожалуйста, полное отсутствие культуры, – продолжил он.

– Точно. Полное отсутствие культуры питья, хотя из Арамиса, мог бы выйти толк, не то, что этот тошнила Атос. Все изгадил паразит, – поддержал разговор Тихон.

– Ладно, все одно, неплохо время провели, сарай разве, что жалко. Пусть уж будет их дорога легкой и скорой, – Кроха подвел итог беседе и позвал всех в дом на дегустацию очередной порции самогона.

Оставим на время, стойких к зеленому змию братьев наслаждаться напитком собственного приготовления и вернемся к Д'Артаньяну и трем мушкетерам.

Отравив атмосферу и хитро глядя на друзей, Портос промолвил:

– Я устал.

– Фуу, какая гадость, скунц Вы недобитый, – зажимая нос, отбежал в сторону граф де Ла Фер.

– Вы, Портос, как животное безкультурное, Вас не по следам найдут а по запаху, – с укором произнес Арамис.

– Ваш рейтинг как человека, упал ниже плинтуса, – присоединился к оскорблениям друга Д'Артаньян.

– Ваша фамилия не Тихобздуй, случайно?

– Пукло он.

– Шепталю.

– Громыхало.

– Пердуняра.

– Бздуняра, – соревновались в остроумии, поймавшие кураж друзья.

– Кишки у Вас гниют, что ли? Вы батенька, прошу прощения – пердошлеп, – снова появился Арамис.

Тут, Портос, которому надоело слушать гадости в свой адрес, встал, а Арамис соответственно лег.

– Я вам, господа, сознание встряхнуть могу вмиг, – возмутился гигант, обращаясь к оставшимся на ногах товарищам, и примеряя на себя бремя лидерства приказал:

– Давайте, берите эту терпилу русскоговорящую за руки, за ноги и тащите в лес.

Безвольное тело, опрокинутое на спину, приподнимать не стали, а взяв, каждый за одну ногу, весело поволокли по земле в лесную чащу. Периодически, голова жертвы блудословия, натываясь на корягу или сучок подпрыгивала и возвращалась в изначальное положение, отчего на задней поверхности, в области затылка образовывались многочисленные гематомы. Поняв, что такая форма транспортировки Арамиса не самая оптимальная, аккуратно бросили его у муравейника и присели на пеньки, торчащие тут и там. По буреломам, прошли уже достаточно. Край леса давно не был виден. Ловушки, силки и капканы на пути следования замечены не были. Встал вопрос – куда далее направить стопы? Тут, резко вскочил, облепленный муравьями Арамис. Мелкие твари стали больно покусывать его, быстро приведя в сознание. Несчастный, стал трясти руками и головой, бегать вокруг деревьев, отряхиваться, приседать, подпрыгивать, в общем вел себя как конченный дебил. Хотя, нужного результата достичь удалось. Смахнув с себя, всю лишнюю живность и не вполне понимая, как оказался в чаще лесной, будущий аббат слегка разнервничался, стал задавать наводящие вопросы компаньонам и оказывать всяческое давление на них, примерно такого плана:

– Вы надеюсь, насечки на деревьях оставляли по пути следования? А вы знаете где север, а где юг? В какую сторону вообще двигаться? С какой стороны пришли? Нет? Плохо господа. Очень плохо. Мы господа, в жопе, в самой ее сердцевине.

Обнадежив, таким образом друзей, он с важным видом стал быстро ходить вокруг деревьев, внимательно осматривал и гладил кору, лизал лишайники и мох, растущий на стволах, пару раз, подпрыгнув пытался забраться на нижнюю ветку, но срывался с нее и непотребно ругаясь, валился на грешную землю. Снова вставал, падал на четвереньки и начинал нюхать землю как гончая, учуявшая добычу.

Трое друзей, с интересом смотрели за происходящим, ожидая чем закончится необычное представление.

Попридуриваясь, таким способом еще минут двадцать, Арамис встал, оправился, крикнул:

– За мной! – и со всей дури ломанулся в глубь леса.

Мушкетеры, бросились вслед за ним. Ветер свистел в ушах, ветки, царапая били в лицо, то и дело приходилось перепрыгивать поваленные деревья и огибать пеньки. Вожак, одухотворенно неся впереди стаи, прокладывая дорогу и указывая верный путь.

Неизвестно, сколько времени продлилась бы эта веселая гонка по пересеченной местности, если бы, прилично поплутав, не наткнулись на отдыхающего у разведенного костра не приметного мужичка.

Глава 13. Очевидное – невероятное

Мужик, увидев выскочившую из чащи леса пеструю компанию, да еще и болтающую не на русском языке, слегка офигел и хотел по первой дать деру, однако, взяв себя в руки, не стал делать ноги. Он представился лесником по имени Гаврила и фамилии Еремеев. В честь знакомства, сбивчиво, но с энтузиазмом поведал он жалостливую историю, о том, как года два назад зашел в лес за ягодами, конкретно за брусникой, будь она неладна, да и заблудился и никак до сих пор не может найти из него выход. Так и живет дикарем, ежедневно рискуя никчемной жизнью своей.

– Может вам помощь какая нужна, так я могу вывести в нужный квадрат, – уверенно заявил Гаврила.

Арамис перевел предложение о помощи, поступившее от самоуверенного полупроводника друзьям. Те, услышав его, дружно замахали руками в знак протеста.

– Ну нет так нет, было бы предложено, – понял все без слов смысленный егерь.

– Может вы перекусить хотите, так у меня запасы имеются, на всех хватит? – с надеждой спросил он.

А вот на это предложение, невозможно было ответить отказом.

Рядом с костровищем, Еремеев, прямо на траву положил кусок холщевой ткани, метр на метр. И стал раскладывать на импровизированной скатерти свои пожитки. Так появилась горстка красных ягод.

– Это брусника – царица ягод, – начал инструктаж Гаврила.

Рядом с брусникой появилась горка ягод черного цвета.

– Это ежевика – царица ягод.

Дальше шли, царица ягод – клюква, царица ягод – костяника, царица ягод – черника и всем царицам царица – малина.

– Я за малину как то раз с медведем дрался. Могу рассказать.

И не дожидаясь одобрения, либо отказа, начал свою историю:

– Хотите верьте, хотите нет, но дело было так. Лет пять тому назад, пошел я в лес за малиной. Погоды стояли чудесные и настроение у меня было соответствующее. Отличное было настроение. До поры, до времени отличное. Долго бродил я по дебрям лесным, пока не наткнулся на огромный куст лесной малины. Даже и не куст а заросли сплошные. Выше меня ростом. И ягода крупная такая, как счас помню. Начал есть. Ел, ел, все объелся, не хочу больше. Стал собирать ягоды в корзину. Долго собирал, набрал полную тару. Стал во вторую корзину набирать. Увлеченно, старательно собираю. И

вдруг слышу, с другой стороны куста, шорох какой-то. Я аккуратно раздвигаю кусты руками и морда к морде встречаюсь с медведем. Тот тоже до ягод жадный оказался. Вот те здрасьте. Косолапый хрюкнул от неожиданности, резко заразился «медвежьей болезнью», которая тут же истекла приличной кучей. Я тоже. И не стоит полагать, что имея двух с половиной метровый рост и семьсот кило живого веса, медведь сразу должен был броситься на меня и порвать как Тузик грелку. Кстати, про Тузика. Сейчас и до него ход дойдет. В такую пору, когда лес забит ягодами и грибами, мишки становятся немного сонно – ленивыми. Поэтому, не испытывая агрессии и я, и мишган слегка опешили! Я первый пришел в себя, упал как подкошенный на четвереньки и начал громко лаять – гав, гав... гав! Объяснить, почему решил, что медведь должен бояться собаки, я не могу, но странное дело, это действие не просто напугало медведя, а заставило его охренеть! Охренеть настолько сильно, что он открыл в немом вопросе пасть и замер на месте. Возможно, сказывалось, что до этого он видел людей, да, наверно, и собак встречал тоже, но что бы – в одном лице!!! В общем, состояние его было такое, что сравнимо только с человеческим, когда тот, нос к носу сталкивается с привиде-

нием с мотором. Я же, поняв, что получил кое – какое преимущество, решил его развить. Для этого, еще несколько раз протягивая гав – гав, высоко подпрыгнул и попробовал как моя собака Тузик вильнуть задом, изображая нервное подергивание хвоста, и оскалив зубы. Медведь, то – ли поскользнувшись, то – ли действительно от страха, но очень естественно шлепнулся на зад! И в этот момент я перешел в конкретную атаку. Заливаясь душераздирающим лаем, кинулся на парализованное животное. Тут медведь, наконец – то нашел в себе силы подскочить с места и, удобряя флору, бросился наутек. Прыжки его были огромны и достигали в длину не менее трех метров, видимо сказывался природный турбореактивный двигатель, выбрасывающий наружу довольно вонючую смесь. При этом он, непрерывно и нервно оглядывался, опасаясь погони. Издох он или нет, история умалчивает, потому, что я по следу не пошел, а не менее огромными прыжками, ломанулся в другую сторону, забыв и про корзины и про ягоды. Вот такая история приключилась.

Арамис перевел рассказ живодера друзьям, те захлопали в ладоши, уважительно показывая большой палец.

Дабы закрепить поучительный рассказ хорошей трапезой, Гаврила продолжил накрывать импровизированный стол, на котором к многочисленным ягодам присустились грибы в трех состояниях – жаренные, сушеные и свежесобранные. Грибы были на вид совершенно разными и непохожими друг на друга. Разнились они и размерами и формой. Встречались меж них экземпляры на длинных, несуразных ножках, были и на приземистых. У одних на шляпках имелись узоры невиданные, другие обходились без оных. Не говоря уже о цветовой гамме – от неестественно желтых до ядовито синих.

– Как знал, что вас встречу, специально подготовился, – указывая на изысканный стол, пригласил отведать яства лесник.

Изголодавшие мушкетеры налетели на продукты питания, сметая грибы всех видов, впережку с ягодами, красными и черными и зеленоватыми, похоже неспелыми. Пихали в себя, как в мясорубку, кто быстрее. Егерь Еремеев к деликатесам не притронулся. Что было весьма подозрительно. Первым, аналитические способности проявил Арамис, который смог сопоставить отсутствие аппетита у угощающей стороны, с уже начавшим бунтовать животом и успевший еще спросить лесного жителя:

– А Вы почему не кушаете? – после чего, резко и обильно испачкал штаны. Ту – же позорную процедуру, одновременно, проделали двое его друзей. И только Д'Артаньян, правильно оценивший ближайшую перспективу, в силу молодости, успел проявить недюжую реакцию и скинуть портки до момента извержения вулкана. Сейчас четверо благородных парижан, обсуждая неловкость момента, сидели в ряд, в метре друг от друга и синхронно удобряли почву. Атоса еще и рвало.

Арамис негромко напевал:

– На волоске судьба твоя,

– Враги полны отваги.

– Но, слава Богу, есть друзья,

– Но, слава Богу, есть друзья,

– И, слава Богу, у друзей есть шпаги.

– Один за всех, – неожиданно даже для самого себя закричал он. Никто ему не ответил. Все были заняты делом.

Перед ними, как учитель в школе перед доской, расхаживал в тягостных раздумьях лесничий Гаврила.

– Опять все потравились, – вслух рассуждал он.

– Ну как же мне определить – то, какие съедобные, а какие нельзя? – злился и на себя и на французского кулинарного экспериментатора.

– Когда же все это закончится? – причитал Портос.

– Что Вы имеете в виду друг мой, теперешнюю слабость или наше путешествие в целом? – выдавил из себя Арамис, вместе с очередной порцией ягодно – грибных производных.

– Я домой хочу, – по детски захныкал гигант.

Атос говорить не мог, поэтому поддержать мирно протекающую беседу взялся Д'Артаньян:

– Фиаско полнейшее. Видела бы нас сейчас королева Анна. Наша, страдающая расстройством желудков компания, однозначно надолго вселилась бы ей в душу, не доставляя морального удовлетворения. Все благороднейшее мушкетерство было – бы упразднено, из – за нас сволочей.

Глава 14. Неприятная неожиданность

Однако, все плохое когда нибудь заканчивается, собственно как и хорошее. За полосой черной, следует белая и наоборот. Так и наши добрые друзья, жестко отстрелявшись, с опустошенными организмами лежали теперь на земле, приходя в себя. Часовая борьба за выживание давала о себе знать. Сил не было вообще. Отравитель Гаврила причитая, просил извинения, за свои нечеловеческие опыты. Так и говорил:

– Ребята, поймите, не было злого умысла в действиях моих. Я супротив вас ничего не имею. Однако, как – же мне понять, какие грибы можно принимать в пищу, а какие лучше обходить стороной. Вот и приходится тренироваться на путниках заблудших. Вы то еще молодцы. Ни один не сдох. А то бывали и трагические случаи. Вот помню..

– Не нужно больше историй ваших паскудных, – просительно прошептал Арамис.

– А ну ладно, – охотно согласился лесной искуститель.

– Тогда, давайте поднимайтесь, пойдём к ручью таежному, штаны ваши обгаженные стирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.